

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

КЛЕМЕШЕВА М.С. (САРАТОВ)

КОРНЕЛИЯ И ДРУГИЕ: МАТЕРИНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Процесс воспитания – один из важнейших в любой культуре, потому что именно в нем ребенок усваивает культурные навыки, приобщается к определенному социуму, осознает свое место в мире, понимает, что такое хорошо и что такое плохо. Таким образом, воспитание можно рассматривать как процесс формирования определенной ценностной системы.

Каждое общество создает особую систему воспитания и образования как одно из основополагающих направлений культуры. Римская средиземноморская держава, по всем своим параметрам являясь одним из самых высокоорганизованных обществ древнего мира, имела одну из самых сложных и богатых систем воспроизводства своих основных носителей. Это был довольно продуманный и стройный комплекс, консервативный по тем социальным и культурным установкам, которые он воспроизводил.

Ведущую роль в формировании личности юного римлянина играло домашнее обучение и воспитание. На протяжении всей римской истории семейное воспитание играло большую или меньшую роль, но семья всегда была ответственна за нравственное и гражданское становление юных римлян. Естественно, ведущая роль в воспитании будущих «властителей мира» принадлежала отцу, *pater familias*. Это вполне типично для древних обществ вообще, а для Рима, где власть отца над членами фамилии была поистине безгранична, особенно. Тем не менее, у нас есть ряд свидетельств, разрозненных и далеких от исчерпывающей полноты, которые демонстрируют, что временами место отца могла занимать мать.

Сразу следует сделать оговорку, что все известные нам примеры относятся к высшему обществу¹, и, кроме того, за исключением одного случая, к кризисной эпохе. В условиях гражданской войны, изгнания, других политических сложностей, равно как и в случае длительного отсутствия отца, находящегося на службе, или вообще его смерти, матери приходилось принимать на себя ответственность за образование и воспитание своих детей².

---

¹ Dixon S. *Cornelia: Mother of the Gracchi*. L.; N.Y., 2007. P. 52.

² Rawson B. *Children and Childhood in Roman Italy*. Oxf., 2003. P. 197.

Традиционное римское мужское воспитание включало в себя три элемента. Самой важной в воспитании мальчиков являлись военно-физическая подготовка, за ней шло образование; третьим элементом был физический труд³. Правда, трудовым воспитанием зачастую пренебрегали. Все три элемента в совокупности встречаются лишь в биографиях Катона Старшего и Гая Мария. В жизнеописаниях других римских героев такой элемент как труд отсутствуют, даже в описании воспитания Катонем сына нет упоминаний о том, что он приобщал сына к сельской жизни и занятиям⁴.

Конечно, физическим воспитанием мальчика преимущественно занимался отец, как это можно увидеть из биографии Катона Старшего: «...он сам обучил мальчика и грамоте, и законам, и гимнастическим упражнениям, обучил его не только метать копье, сражаться в тяжелых доспехах и скакать на коне, но биться на кулаках, терпеть зной и стужу, и вплавь перебираться через реку, изобилующую водоворотами и стремнинами» (Plut. Cat. Min. 20). Однако и мать могла сыграть не последнюю роль, особенно если отец умер. Поскольку «одномужняя жена» (*univira*) по римским традициям была в обществе фигурой почтенной, многие римлянки, лишившись мужа, отказывались от повторного замужества и посвящали себя детям. В этом случае мать играла огромную роль в создании для сына стимулов к военной и гражданской доблести.

Наиболее красноречива здесь история Кориолана. Несмотря на то, что сам ее сюжет носит характер легенды, мы можем увидеть в ней очень любопытные реалии. Так, по рассказу Плутарха, Гней Марций Кориолан свои победы посвящал только матери и добивался славы только, чтобы порадовать её одну. «Другие были отважны ради славы, он искал славы, чтобы порадовать мать. Когда мать слышала, как его хвалят, видела, как его увенчивают венком, плакала от счастья в его объятиях, – в эти минуты он чувствовал, что достиг вершины почета и блаженства... Марций, считая, что матери по праву принадлежит и все то уважение, каким он был бы обязан отцу, не уставал радовать ее и чтить» (Plut. Coriol. 4). И женился он по указанию матери и после свадьбы остался жить с ней в одном доме. Когда встал выбор между смертью и мольбами матери, он уступил той, которая родила его, а сам пошёл на верную гибель,

³ Квашин В.А. Политика, право и религия в жизни римской гражданской общины (III–II вв. до н.э.). Вологда, 2006. С. 135–136.

⁴ Он же. Воспитание по Катону (К вопросу о традиционной системе воспитания в Древнем Риме) // *Tabularium. Труды по антиковедению и медиевистике*. Ярославль, 2003. Т. 1. С. 25.

но не позволил самой родной для себя женщине стоять перед собой на коленях. «Ах, что ты сделала со мною, мать!» – вскричал Марций и поднял Волумнию с земли. Крепко стиснув ей правую руку, он продолжал: «Ты одержала победу, счастливую для отечества, но гибельную для меня. Я уйду, потерпев поражение от тебя лишь одной!» (Plut. Coriol. 36).

Интересно, что под пером греческих авторов эта история выглядит достаточно сентиментально и густо приправлена риторикой. Дионисий Галикарнасский описывает, как, увидев мать, «Марций, до того неумолимый и суровый, способный противостоять всем тяготам, оказался уже не в состоянии следовать своим принципам: чувства быстро взяли верх, и он, обняв мать, стал целовать ее и называть самыми нежными словами и в течение долгого времени, проливая слезы, бережно поддерживал ее, лишившуюся сил и оседающую на землю» (Dion. Hal. VIII.45.1). Под стать этому и поведение матери: ею произносится длинная речь с объяснением того, как и на каких условиях Кориолан может увести вольсков, как следует переносить несчастья благородным людям и т.п. Мать Кориолана выглядит здесь как прилежный ученик греческой риторической школы, аккуратно выполнивший домашнее задание и произносящий в классе составленную им речь. Конечно, вряд ли такое могло быть не только во времена Кориолана, но и в просвещенный век, когда жил Дионисий.

Иначе, без дешёвой риторики, сурово и немногословно выглядит эта сцена в изложении Тита Ливия. «...Он, кого не тронуло ни величие народа, воплощенное в послых, ни олицетворенная богобоязненность, представленная жрецами его взору и сердцу» (II.40.3), уступил авторитету матери. «Объятия жены и детей, стон женщин, толпою оплакивавших свою судьбу и судьбу отчизны, сломили могучего мужа. Обнявши своих, он их отпускает и отводит войско от города прочь», – завершает свой рассказ об этом герое, ставшем предателем, Тит Ливий (II.40.9–10). При всей недостоверности этой истории⁵, следует отметить, что в римском варианте мать, обращаясь к Кориолану, взывает к исконно римским доблестям, патриотизму и соблюдению благочестия в отношении родины, т.е., по всей видимости, именно тех качеств, которые она должна была воспитать у своего сына.

⁵ См.: Сидорович О.В. Гней Марций Кориолан: легенда и история // Античность Европы. Межвузовский сборник научных статей. Пермь, 1992. С. 9–15.

Если от легендарного материала обратиться к историческому, то и хронологически, и по объёму первое место принадлежит здесь Корнелии, матери Гракхов. О её роли в судьбе сыновей упоминает ряд авторов, а кроме того, сохранился фрагмент ее письма, адресованного Гаю, младшему сыну. Впрочем, сентиментальности хватает и здесь – как у древних авторов, так и у современных. Их мать Корнелия, дочь Сципиона Африканского, была «звездой среди римских женщин». Она была умна, образована, прекрасна, её чтили как друзья, так и недруги – так рисуется облик Корнелии в одной из современных работ⁶. Она осталась вдовой с двенадцатью детьми. Существует легенда относительно смерти её мужа. «Сын их, Гай, вспоминает, что отец однажды обнаружил в саду двух змей. Обеспокоенный, он вызвал к себе этрусских гадателей, которые предсказали, что это знак смерти для него, либо для жены. И тогда Тиберий предпринял все попытки, чтобы отвратить гибель от жены и направить её на себя. Через несколько дней он умер» (Plut. Tib. 1; Cic. De div. I.36; Plin. NH. VII.122). Плутарх писал: «Она приняла на себя все заботы о доме и обнаружила столько благородства, здравого смысла и любви к детям, что, казалось, Тиберий сделал прекрасный выбор, решив умереть вместо такой супруги» (Plut. Tib. 1). Известно, что царь Египта Птолемей просил её руки, однако Корнелия осталась верна памяти мужа. Самыми дорогими своими сокровищами, она считала детей. Валерий Максим со ссылкой на Помпония Руфа рассказывает, что некая матрона из Кампании однажды похвалялась перед ней своими драгоценностями. На это Корнелия, указав на сыновей, в это время вернувшихся из школы, сказала: «А вот мои украшения» (Val. Max. IV.4).

Все эти истории призваны продемонстрировать безупречную нравственность Корнелии и ее безграничную любовь к детям. Если теперь мы обратимся от поэзии к реальности, то, прежде всего, необходимо констатировать, что как младшая дочь Сципиона Великого и Эмилии, сестры Эмилия Павла, победившего в битве при Пидне македонян, она была связана со знатнейшими семьями Рима⁷. Однако ко второй половине II в. до н.э. эти семьи уже не обладали первенствующим положением в государстве. Положение Корнелии усугублялось ещё и тем, что она была лишена не только

⁶ Бобровникова Т.Н. Повседневная жизнь римского патриция в эпоху разрушения Карфагена. М., 2001. С. 350.

⁷ Bernstein A.H. Tiberius Sempronius Gracchus. Tradition and Apostacy. L., 1978. P. 42.

мужа, но и отца⁸, и, таким образом, не имела солидной мужской поддержки.

Корнелия воспитывала детей, руководствуясь примером предков. К детям приглашали пожилую родственницу, отличавшуюся безупречными нравами, которая жила в доме и следила за всеми отпрысками, в присутствии этой женщины недопустимо было ни произнести грубого действия, ни совершить непристойное деяние. «И мать следила не только за тем, как дети учатся и как выполняют свои другие обязанности, но и за их развлечениями и забавами, внося в них благочестие и благопристойность» (Тас. De orat. 28). Она часто рассказывала им о подвигах отца, и, несомненно, рассказы о его блестящей карьере должны были оказать глубокое влияние на амбиции и ценности столь отличных друг от друга сыновей Корнелии⁹. Она их воспитывала «с таким честолюбивым усердием, что они, – бесспорно, самые даровитые среди римлян, – своими прекрасными качествами больше, по-видимому, были обязаны воспитанию, чем природе» (Plut. Tib. 1).

Влияние Корнелии на стиль речи её сыновей отмечает уже Цицерон. По его словам, «для оратора очень важно и то, кого он слушает каждый день дома, с кем он говорит ребенком, каким языком изъясняется его отец, учитель и даже мать. Мы читаем письма Корнелии, матери Гракхов, и с несомненностью видим, что ее сыновья были вскормлены не столько ее молоком, сколько ее речью»¹⁰. Интересно, что Цицерон, крайне негативно относящийся к политической деятельности Гракхов, нигде не попрекает Корнелию за их моральную и политическую близорукость, но всегда воздает должное тому образованию, которое она им дала¹¹.

Согласно Плутарху, Корнелия разжигала в своих детях честолюбие – она часто корила сыновей тем, что римляне все еще зовут ее тещею Сципиона, а не матерью Гракхов (Tib. 8). По иронии судьбы, Корнелия достигла желаемого, и на ее статуе была надпись: CORNELIA AFRICANI F. GRACCHORUM (Корнелия, дочь Африканского, [мать] Гракхов); но заплатить за это звание ей пришлось

⁸ Hallett J.P. *Absent Roman Fathers in the Writing of Their Daughters: Cornelia and Sulpicia // Growing up Fatherless in Antiquity*. Cambr., 2009. P. 190.

⁹ Bernstein A.H. *Op. cit.* P. 42.

¹⁰ Cic. Brut. 210–211. Ср. несколько раньше: «Гракх, благодаря неустанной заботе своей матери Корнелии, с детства получил отличное образование и познакомился с греческой литературой. Он всегда имел лучших греческих учителей» (ibid. 104).

¹¹ Dixon S. *Op. cit.* P. 54.

жизнями обоих своих сыновей¹². При этом, согласно рассказу Сенеки, тем, кто именовал ее несчастной, она гордо отвечала: «Я никогда не назову себя несчастной – я, которая родила Гракхов!» (Sen. Cons. ad Marc. 16.3). Здесь нужно внести определённые коррективы. Что Корнелия стремилась если не разжечь честолюбие своих сыновей, то, во всяком случае, наставить их в семейных традициях служения государству¹³, это несомненно. Но к деятельности своих сыновей она относилась резко отрицательно, о чем свидетельствует её письмо Гаю, дошедшее до нас (Nep. Fr. 59). Здесь она, фактически, принимает на себя роль своего покойного мужа и увещевает Гая отказаться от мести, которая нанесёт вред государству. При этом эмоциональность её обращения связана с тем, что, не обладая *patria potestas*, она не имела реальных рычагов воздействия на мятежного сына¹⁴.

Есть информация и о других матерях, которые оказали на своих сыновей большое влияние. Так, мать руководила воспитанием Квинта Сертория, известного мятежного полководца I в. до н.э. По рассказу Плутарха, Серторий рано лишился отца и воспитывался матерью, которую любил очень сильно (Sert. 2). Правда, сыну было за что любить мать. Судя по тому, что Серторий изучал право, риторике, небезуспешно выступал перед согражданами и даже приобрел в их среде некоторое влияние (Plut. Sert. 2; Cic. Brut. 180), мать вложила в его воспитание и обучение немало сил и средств. Таким образом, здесь мы имеем не просто сходство с судьбой Корнелии, но и образец идеальной матроны, после смерти мужа посвятившей себя (и не без успеха) воспитанию потомства, а не устройению нового брака¹⁵. Плутарх не пишет, был ли брак с отцом Сертория единственным для его матери, но искусно построенный рассказ биографа невольно создает именно такое впечатление – ведь верность первому мужу считалась нормой для истинной римлянки. Так образ самой родительницы героя обретает идеальные черты, как бы давая понять: от доброго семени – добрый плод.

Тацит упоминает наряду с Корнелией еще двух матрон – Аврелию, мать Цезаря, и Атию, мать Августа (De orat. 28). Об их роли в воспитании их знаменитых сыновей, ставших первыми гражданами Рима, нам известно мало. Однако, так как и Цезарь, и Август

¹² Bernstein A.H. Op. cit. P. 43.

¹³ Hallett J.P. Op. cit. P. 190.

¹⁴ Ibid. P. 181.

¹⁵ Короленков А.В. Женщины в политике Сертория // АМА. 2006. Вып. 12. С. 181.

лишились отцов в раннем детстве, мы можем предполагать, что матери воспитывали их по такому же образцу, сами подбирали им учителей и поддерживали их честолюбивые устремления. Во всяком случае, нам точно известно, что Атия принимала участие в политической жизни Октавиана, и он очень ценил её советы.

Тацит приводит и еще один пример благотворного влияния матери на сына – воспитание своего тестя, известного полководца Юлия Агриколы. По его словам, «мать Агриколы, Юлия Процилла, была женщиной редкой нравственной чистоты. Воспитанный ею в нежной заботе и ласке, Агрикола провел детство и юность в изучении всех благородных наук. Помимо прирожденного целомудрия и благонравия, его уберегло от соблазнов дурного общества также и то, что уже с малых лет его местопребыванием и наставницею в науках стала Массилия, город, в котором переплетаются и уживаются в добром согласии греческая обходительность и провинциальная бережливость. Помню, как он неоднократно рассказывал, что в ранней молодости предался бы изучению философии с неповольным для римлянина и будущего сенатора жаром, если бы благоразумие матери не охладило пыл его горячей души» (Тас. Agric. 4).

Интересно, что в данном случае, в отличие от республиканских традиций, мать не поощряет занятия философией, как то делала Корнелия, а, наоборот, удерживает сына от них. Видимо, это связано с тем, что в императорскую эпоху занятия эти стали подозрительны для властей и могли навлечь беды на не в меру увлекающегося ими юношу.

Таким образом, приведенные примеры демонстрируют, что Рим знал случаи, когда женщинам принадлежала активная роль в воспитании мальчиков. Мать могла заменять им отсутствующего отца, контролировать процесс воспитания, создавать стимулы к активной гражданской деятельности. Но это не было «женское воспитание» мужчины в современном смысле слова; по своей сути оно оставалось тем же воспитанием, которое получали мальчики в других римских семьях.

При этом стоит обратить внимание на то, что во всех приведённых примерах речь идёт о персонажах, которые сыграли неоднозначную роль в римской истории, мятежниках и смутьянах (исключением здесь является лишь Агрикола). Чем это объяснить? Да и возможно ли объяснение? Думается, на два момента указать всё-таки можно. Ни в одном из приведённых случаев мы не слышим о

влиятельных родственников, которые могли бы с детства ввести молодых людей в круг политической элиты. Видимо, определённая ущербность связана здесь именно с этим – дорогу прокладывать приходилось в значительной мере самостоятельно, иногда в нарушение существующих традиций. Матери могли зажечь честолюбие в юношах, но они, видимо, не могли обеспечить пути для его удовлетворения. И второй момент: у матерей, кроме увещевания, не было средств воздействия на сыновей. Таким образом, в процессе материнского воспитания молодые римляне оказывались лишёнными одной из главных составляющих – необходимости следовать жесткой и неукоснительной дисциплине, одной из главных добродетелей достойного гражданина.

АКОПЯН П.А. (ВОЛГОГРАД)

«АРМЯНСКИЙ ВОПРОС» НА РИМСКО-ПАРФЯНСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ 92 Г. ДО Н.Э.

Одним из важных последствий каппадокийского конфликта¹ стало расширение зоны контактов Рима с восточными государствами и установление первых контактов с Парфией². Среди них наибольший интерес представляют римско-парфянские переговоры 92 г. до н.э. Несмотря на обилие научных публикаций по этой теме³, лишь некоторые касаются такого ее аспекта, как роль Великой Армении на этих переговорах⁴. Поэтому в статье будет предпринята попытка рассмотрения вопроса об Армении во время римско-парфянских переговоров 92 г. до н.э.

Как сообщает Плутарх, к Сулле, после возвращения каппадокийского престола Ариобарзану I, прибыл посол парфянского царя Митридата II Оробаз (Plut. Sull. V). Между римским военачальником и парфянским послом состоялась встреча, на которой Оробаз предложил заключить договор о союзе и дружбе. Вопрос о том, бы-

¹ Более подробную информацию о каппадокийском конфликте см., напр.: *Бокщанин А.Г.* Парфия и Рим. Исследование о развитии международных отношений позднего периода истории античного мира. М., 1966. Ч. II. Система политического дуализма в Передней Азии; *Keaveney A.* Roman Treaties with Parthia circa 95 – circa 64 B.C. // *AJPh.* 1981. Vol. 102, No. 2. P. 195–212; *Манасерян Р.Л.* Борьба Тиграна против экспансии Рима в Каппадокии в 93–91 гг. до н.э. // *ВДИ.* 1985. № 3. С. 109–118; *Ломоури Н.* К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979. Ч. 1.

² В своей диссертации А.Р. Панов приводит мнение И.Д. Головки, согласно которому отношения Рима с Парфией могли быть установлены еще ранее, в ходе общей борьбы против Селевкидов, но данными источников это предположение не подтверждается (*Панов А.Р.* Взаимоотношения Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в период поздней республики – ранней империи (II в. до н.э. – начало II в. н.э.). Дис. ... докт. ист. наук. Н. Новгород, 2009. С. 137).

³ *Бокщанин А.Г.* Указ. соч.; *Головка И.Д.* Римско-парфянские политические взаимоотношения в I в. до н.э. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Одесса, 1952; *он же.* Римсько-парфянські відносини в першій половині I століття до н.э. // *ТОГУ.* Одесса, 1959. Г. ХCV. Т. 149. СИН. Вып. 7. С. 68–80; *Ziegler K.H.* Die Beziehungen zwischen Rom und dem Partherreich. Ein Beitrag zur Geschichte des Volkerrechts. Wiesbaden, 1964; *Badian E.* Roman Imperialism in the Late Republic. Pretoria, 1967; *Keaveney A.* Op. cit.; *Debevoise N.C.* A Political History of Parthia. N.Y., 1968; *Гамкрелидзе А.Ш.* Римско-парфянские взаимоотношения от Суллы до Траяна (с 92 г. до н.э. по 117 г. н.э.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1986; *Смыков Е.В.* Рим и Парфия: первые контакты (к вопросу о договорах Суллы и Лукулла с парфянами) // *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности.* Казань, 2000; *Беликов А.П.* Парфия и Рим: истоки взаимного неприятия // *АМА.* 2002. Вып. 11. С. 51–52.

⁴ *Манасерян Р.Л.* Процесс образования державы Тиграна II // *ВДИ.* 1982. № 2. С. 122–138; *Литовченко С.Д.* Армяно-римские отношения в 90-е гг. I в. до н.э. // *Проблемы истории и археологии Украины.* Харьков, 2001. С. 67; *Панов А.Р.* Указ. соч.

ло ли соглашение оформлено, является спорным – в современной историографии имеются как сторонники⁵, так и противники⁶ версии о подписании официального договора. Независимо от того какую форму приобрело римско-парфянское соглашение, сомневаться в самом его существовании не приходится.

Небольшое свидетельство Плутарха относительно римско-парфянских переговоров 92 г. до н.э., к сожалению, подводит нас к некоторым трудностям в выявлении причин и целей состоявшегося мероприятия. Вся информация древнегреческого автора сводится к следующему: «Когда Сулла стоял у Евфрата, к нему явился парфянин Оробаз, посол царя Арсака. До тех пор оба народа еще не соприкасались друг с другом; видимо счастьем своему Сулла обязан и тем, что первым из римлян, к кому обратились парфяне с просьбой о союзе и дружбе, оказался именно он. Рассказывают, что Сулла поставил три кресла – одно для Ариобарзана, другое для Оробаза, третье для себя – и во время переговоров сидел посредине» (Plut. Sull. V).

В исследовательской литературе имеется ряд высказываний относительно того, что Сулла и Оробаз пришли к соглашению, носившему характер конкретного договора, по которому Евфрат должен стать границей территориальных интересов Рима и Парфии⁷. Исходя из предположения К. Циглера, следует, что уже в 92 г. до н.э. перспектива раздела Передней Азии на две сферы господства означала для Армении участь быть зажатой между двумя державами, что было в корне враждебным интересам Армянского государства. Однако нам не удалось найти ни в одном источнике, в том числе и в свидетельствах Плутарха, сведений о том, что Евфрат признается границей сфер влияния и господства между Римом и Парфией. Данные же Плутарха лишь локализуют римско-парфянские переговоры у берегов Евфрата: «Когда Сулла стоял у Евфрата, к нему явился парфянин Оробаз, посол царя Арсака» (Sull. V).

Нельзя не согласиться с выводом А.Р. Панова о том, что предположение о складывании антиармянского римско-парфянского союза делается под воздействием воспроизведения последующих событий, а не в рамках объективного анализа си-

⁵ Debevoise N.C. Op. cit. P. 47; Keaveney A. Op. cit. P. 198.

⁶ Гамкрелидзе А.Ш. Указ. соч. С. 104; Смыков Е.В. Указ. соч. С. 323.

⁷ Ziegler K.H. Op. cit. S. 22–23.

туации конца 90-х гг. I в. до н.э.⁸ Исследователь указывает, что если имя Тиграна и мелькало на переговорах, то явно не при обсуждении центральных вопросов, каковыми были оформление дружеских и союзных отношений⁹.

Очевидно, что проблема складывания антиармянского союза вызвана неоднозначностью сведений, которые нам предоставляют античные авторы: *amicitia* Тита Ливия (Ерit. LXX) и *Πάρθους συμμαχίας καὶ φιλίας δεομένους* Плутарха (Sull. V). Международные отношения на территории Передней Азии к 92 г. до н.э. определяются такими основными акторами, как Великая Армения (держава Тигран II Великого), процесс образования которой пока не был еще завершен, но в арсенале которой уже имелись успешные завоевания ближневосточных территорий, в первую очередь за счет Парфии и Сирии (Strabo XI.14.15); Парфия с ее ярко выраженным экспансионизмом в отношении Армении; государство Селевкидов, в зоне влияния которого находилось армянское царство Цопк (Софена); Понтийское царство и Рим, который не скрывал своего желания подчинить себе все территории Малой и Передней Азии, Египет и другие страны. Поэтому *συμμαχία*, которую предлагал Митридат II Риму, в данном контексте может быть понята как оборонительно-наступательный военный союз¹⁰ Парфии и Рима против третьего государства.

Таким образом, ввиду скудности данных античных авторов, основной вывод работы носит предварительный характер и заключается в следующем. Вопрос об Армении мог стать одной из возможных тем для обсуждений, поднимаемых во время римско-парфянских переговоров 92 г. до н.э., но только лишь в контексте заключения военного союза против третьего государства, о чем могут свидетельствовать как употребление Плутархом термина *συμμαχία*, так и сложившаяся международная обстановка в указанный период.

⁸ Панов А.Р. Указ. соч. С. 138.

⁹ Там же.

¹⁰ Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. 2. S.v.

ЧЕРКАСОВА С.В. (САМАРА)

К ВОПРОСУ О ПОЛНОМОЧИЯХ ЛУЦИЯ ЛИЦИНИЯ ЛУКУЛЛА И ГНЕЯ ПОМПЕЯ МАГНА В ХОДЕ III МИТРИДАТОВОЙ ВОЙНЫ

В крушении Понтийской державы Митридата VI Евпатора наибольшую роль из римских военачальников сыграли Луций Лициний Лукулл и Гней Помпей Магн. При этом и в античной, и современной историографии господствует в целом отрицательная оценка деятельности Лукулла и положительная – Помпея (Memnon. 15.36 f; App. Mithr. 69 ff; Cic. Mur. 31 f; Oros. 6.2 f; Plut. Luc. 6 ff)¹. Одной из главных причин тому, по моему мнению, была оценка древними авторами степени легитимности их полномочий.

Целью данной работы и является попытка проанализировать особенности полномочий Лукулла и Помпея во время III Митридатовой войны.

В середине 70-х гг. Лукулл находился на вершине своей славы. Его власть постепенно распространилась на значительные территории. Для понимания последующих событий важно учитывать, каким образом он получил эту власть. Первоначально Лукуллу удалось добиться замены доставшейся ему по жребию по окончании консулата Цизальпинской Галлии на Киликию, правитель которой (пропретор Октавий) умер в начале 74 г. до н.э. (Plut. Luc. 6.1–6)²; одновременно в Вифинию был назначен консул М. Аврелий Кота (Memnon. XV.37.1; App. Mithr. 71; Plut. Luc. 6.7). При этом следует отметить, что ведение наступательной войны было поручено Лукуллу. Цицерон и Плутарх четко разграничивают обязанности Котты и Лукулла: первый должен был охранять Вифинию, а второй – вести войну с царем. Аппиан и Мемнон прямо говорят о назначении Лукулла главнокомандующим (Memnon. XV.37.1; App. Mithr. 72; Cic. Mur. 33; Plut. Luc. 6.7)³.

Однако Котта, не обладавший военными талантами⁴, тоже жаждал лавров победителя. Результатом этих притязаний стало по-

---

¹ Keaveney A. Lucullus. L., 1992; Magie D. Roman Rule in Asia Minor. Princeton, 1950. Vol. I–II; Смыков Е.В. Луций Лициний Лукулл: полководец и общественное мнение // АМА. 1999. Вып. 10.

² Смыков Е.В. Указ. соч. С. 52.

³ Erciyas D.B. Wealth, Aristocracy and Royal Propaganda under the Hellenistic Kingdom of the Mithradatids. Leiden; Boston, 2006. P. 62; Magie D. Op. cit. P. 323.

⁴ Аппиан дает весьма нелестную оценку его качеств (Mithr. 71): «человек, в военном отношении слабый».

ражение его войска и осада Калхедона Митридатом, причем сам Котта был заперт в осажденном городе и избавлен от осады лишь своевременно подоспевшим Лукуллом (App. Mithr. 72; Oros. 6.2.13; Plut. Luc. 8 f), что отмечено в записи о триумфе Лукулла: *conlegam suum pulsum a rege Mithridate, cum se in Calchedona contulisset, opsidione liberavit* (Dess. 60)⁵. Впоследствии Котта не играет активной роли в войне, Аппиан и Плутарх его даже больше не упоминают. В 70 г. он отбывает в Рим, предварительно отослав свои войска Лукуллу (Memnon. XVI.52.2).

В 73 г. Лукулл был назначен проконсулом в Азию (Memnon. XV.37.1)⁶. Веллей Патеркул утверждает, что она досталась ему после консульства по жребию (II.33.1: *ex consulatu sortitus*), но, видимо, это ошибка, поскольку жребий доставил ему Цизальпинскую Галлию. В 72 г. Лукулл становится проконсулом и Вифинии, и Понта⁷.

В распоряжении у Лукулла было 2 бывших легиона Сервилия Исаврика, 2 легиона «фимбрианцев» и легион, который ему было разрешено набрать в Италии, чтобы отправиться с ним на Восток. Итоговые силы оцениваются примерно в 30000 пехоты и 2500 конницы; ему подчинялись как минимум 6 легатов, которые в случае его отсутствия могли быть наделены полномочиями независимого командования (App. Mithr. 72; Plut. Luc. 7)⁸.

Таким образом, Лукулл постепенно, но достаточно быстро (в течение 3 лет), получил власть сразу над провинциями Азией, Киликией, а также над Вифинией и Понтом, но именно это было его слабым местом, так как, в сущности, плохо вязалось с римской республиканской конституцией. После восстановления досулланских порядков в 70 г. такая концентрация власти в руках одного человека, тем более известного своей близостью к Сулле (то, что это в данное время служило плохой рекомендацией, видно из сообщаемого Титом Ливием факта: сразу же после восстановления досулланской конституции цензоры исключили из Сената 64 человека (Erit. 98) – не менее 1/8 его состава], не могла не настораживать, хотя Лукулл до этого не участвовал в вооруженной политической

⁵ Цит. по: Смыков Е.В. Указ. соч. С. 52.

⁶ Crawford M. The Roman Republic. Hassocks, 1978. P. 155.

⁷ Keaveney A. Op. cit. P. 75; Смыков Е.В. Указ. соч. С. 53.

⁸ Downey G. The Occupation of Syria by the Romans // TAPhA. 1939. Vol. 70. P. 151; Hooke N. The Roman History from the Building of Rome to the Ruin of the Commonwealth. L., 1806. Vol. VIII. P. 8; Magie D. Op. cit. P. 324; Sherwin-White A.N. Rome, Pamphylia and Cilicia, 133–70 BC // JRS. 1976. Vol. 66. P. 11; Абрамзон М.Г. Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия (II в. до н.э. – 74 г. н.э.). СПб., 2005. С. 77; Смыков Е.В. Указ. соч. С. 55.

борьбе как самостоятельная политическая фигура, пользуясь исключительно легальными методами⁹.

Таким образом, прежде всего недоверием к Лукуллу следует объяснять то, что в то время, как он руководит войной против Митридата, Лукулла постепенно лишают статуса наместника всех трех провинций; в 69 г. его лишают Азии, переданной Долабелле, затем, в 68 г. – Киликии, переданной Марцию Рексу, наконец – Вифинии и Понта, переданных в 67 г. Манию Ацилию Глабриону (Dio Cass. XXXVI.2.2; Cic. De imp. 26; Sall. Hist. Fr. V.13). Комментируя происшедшее, Цицерон заявляет: «...вы, следуя древнейшему обычаю (*vetere exemplo*), сочли нужным ограничить продолжительность его империя» (Cic. De imp. 26). Следовательно, поводом к замене Лукулла была неконституционность сосредоточения такой власти в одних руках¹⁰. К тому же на тот момент он уже публично заявил о своей победе, вызвав комиссию десяти, и ограничение его власти, учитывая память о Сулле, должно было казаться весьма своевременным.

Помпей в рассматриваемый период дважды становился держателем экстраординарных полномочий и чрезвычайных военных сил – сначала для борьбы с пиратством (закон Габиния, 67 г.), а затем для завершения войны с Митридатом VI Евпатором (закон Манилия, 66 г.).

В 67 г. плебейский трибун Авл Габиний внес на обсуждение в народное собрание законопроект о полномочиях на ведение войны против пиратов (*de piratis persequendis*). На пост главнокомандующего был избран на 3 года Гней Помпей. Это были экстраординарные полномочия, исходившие от комиций и предоставленные по предложению плебейских трибунов (Cic. De imp. 34; Sall. Hist. Fr. V.II.19; Liv. Epit. 99; Plut. Pomp. 25; App. Mithr. 94; Strabo XIV.3.3; Vell. Pat. II.31.2; Flor. I.41.7; Eutr. VI.12)¹¹.

Согласно данному закону, Помпей назначался единым военачальником для решения пиратского вопроса¹² и получал неограниченную власть над всем побережьем Средиземного моря вплоть до Гибралтарского пролива на западе и побережья Черного моря на

⁹ Keaveney A. Op. cit. P. 78; Моммзен Т. История Рима. М., 1941. Т. 3. С. 70; Смыков Е.В. Указ. соч. С. 53.

¹⁰ Смыков Е.В. Указ. соч. С. 54.

¹¹ Voak A.E.R. The Extraordinary Commands from 80 to 48 BC: A Study in the Origins of the Principate // AHR. 1918. Vol. 24. No. 1. P. 11; Cary M. The Lex Gabinia once more // CR. 1924. Vol. 38. No. 7/8. P. 164; Magie D. Op. cit. P. 298; Stuart Jones H. A Roman Law Concerning Piracy // JRS. 1926. Vol. 16. P. 169.

¹² Cic. De imp. 52: ... *lex de uno imperatore contra piratos constituendo*.

востоке. Однако права расширялись за счет того, что эта власть распространялась и на прибрежные земли на 4000 стадий (около 80 км) вглубь от береговой черты. Всем царям и правителям, подчинившимся римлянам или находившимся в союзе с ними, было отпущено указание всячески содействовать Помпею; ему самому было дано право самостоятельно выбирать себе подчиненных командиров, набирать войско и собирать необходимые для нужд его армии денежные средства (App. Mithr. 94; Plut. Pomp. 25; Vell. Pat. II.31.2)¹³. Можно с уверенностью сказать, что до того времени ни одному человеку (кроме Суллы) не предоставлялись столь большие полномочия¹⁴.

Часть исследователей полагает, что империй Помпея был *imperium maius* в том смысле, что он обладал свободой в принятии решений по вопросам не только военным, но и экономическим¹⁵; другие же считают, что его империй был *maius imperium infinitum*¹⁶. Некоторые уточняют его как *imperium infinitum aequum*¹⁷. Однако Помпей получал *imperium pro consule*, и это не был *imperium maius*, который имел бы власть и над другими проконсулами. Это уже другой аспект закона Габиния. Помпей назначал своих собственных легатов, и они получали *imperium pro praetore* (App. Mithr. 94; Plut. Pomp. 25)¹⁸. Помпей имел *imperium maius* по отношению к своим *legati*, но это был обычный *imperium maius* любого командующего.

Большинство же современных исследователей полагает, что его империй был *imperium aequum* и не был *infinitum*: *ei imperium aequum in omnibus provinciis cum proconsulibus usque ad quinquagesimum miliarium a mari* (Vell. Pat. II.31)¹⁹.

¹³ Downey G. Op. cit. P. 150; Hickson-Hahn F. Pompey's "Supplicatio Duplīcata": A Novel form of Thanksgiving // Phoenix. 2000. Vol. 54. No. 3/4. P. 245; Sestier J.M. La piraterie dans l'antiquit . P., 1880. P. 206; Игнатенко А.В. Древний Рим: от военной демократии к военной диктатуре. Свердловск, 1988. С. 132.

¹⁴ Boak A.E.R. Op. cit. P. 12; Ehrenberg V. Imperium Maius in the Roman Republic // AJPh. 1953. Vol. 74. No. 2. P. 118; Sherwin-White A.N. Lucullus, Pompey and the East // CAH². 1994. Vol. 9. P. 249; Wylie J.M. Pompey megalopsychos // Klio. 1990. Vol. 72. No. 2. P. 446; Эгер О. Всемирная история. М., 1999. Т. 1. Древний мир. С. 571; Егоров А.Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985. С. 56; Зелинский Ф.Ф. Римская республика. СПб., 2002. С. 346.

¹⁵ Loader W.R. Pompey's command under the Lex Gabinia // CR. 1940. Vol. 54. No. 3. P. 134.

¹⁶ Ormerod H.A. Piracy in the Ancient World. Liverpool, 1978. P. 219.

¹⁷ Boak A.E.R. Op. cit. P. 12.

¹⁸ Stuart Jones H. Op. cit. P. 172.

¹⁹ Downey G. Op. cit. P. 150; Loader W.R. Op. cit. P. 135.

Итоговые силы Помпея оцениваются в 500 вымпелов (по мнению Аппиана – 270 кораблей²⁰; в его распоряжение давалось 120 тыс. пехотинцев (20 легионов) и около 4 тыс. всадников (по мнению Голдсуорти и Сестье – 5 тыс.) (Mithr. 94)²¹.

Народный трибун Гай Манилий в 66 г. до н.э. выступил с предложением отозвать наместника Глабриона из Вифинии и Понта, а Марция Рекса из Киликии и передать эти должности Помпею. Также он внес законопроект о передаче Помпею командования на Востоке с вручением ему высшего империя (*imperium maius*) по отношению к другим полководцам – проконсулам и пропреторам, с правом самостоятельно объявлять войну и заключать мир, а также обустраивать жизнь в провинциях (App. Mithr. 97; Plut. Pomp. 30; Dio Cass. XXXVI.42.4)²². Новые полномочия предоставлялись Помпею на неопределенный срок²³. Учитывая, что по закону Габиния империй предоставлялся Помпею на 3 года, то по-прежнему в своем распоряжении он имел своих легатов и главенствовал на море (Cic. De imp. 24.69; Plut. Pomp. 30).

Предложение Манилия поддержал Цицерон, который позднее опубликовал речь, произнесенную им в поддержку этого закона, заявив, что Помпей в избытке обладал четырьмя основными качествами великого полководца, а именно: знанием военного дела, мужеством, авторитетом и везением (*scientiam rei militaris, virtutem, auctoritatem, felicitatem*)²⁴. Относительно Лукулла Цицерон отметил, что замена его Помпеем была связана с тем, что он перестал руководить военными действиями, в результате чего оказались под угрозой интересы римского народа на Востоке, его “*certissima vectigalia et maxima*” (Cic. De imp. 5–6). Несмотря на то, что предложение не было воспринято с одобрением в сенате, данный законопроект (*lex Manilla*) был принят народным собранием (Vell. Pat. II.33.2; Liv. Epit. 100)²⁵.

²⁰ Ферреро Г. Величие и падение Рима. СПб., 1997. Т. I. С. 136.

²¹ Ormerod H.A. Op. cit. P. 234; Sestier J.M. Op. cit. P. 208; Голдсуорти А. Римский Александр: Помпей Великий // Голдсуорти А. Во имя Рима. М., 2006 // <http://www.roman-glory.com/03-04-15>; Зелинский Ф.Ф. Указ. соч. С. 377.

²² Balsdon J.P.V.D. Consular provinces under the Late Republic, I. General Considerations // JRS. 1939. Vol. 29. P. 70; Ehrenberg V. Op. cit. P. 120; Sherwin-White A.N. Lucullus, Pompey and the East. P. 250; Абрамзон М.Г. Римское владычество. С. 90; Молев Е.А. Властитель Понта. Н. Новгород, 1995. С. 127.

²³ Boak A.E.R. Op. cit. P. 13; Моммзен Т. Указ. соч. С. 96.

²⁴ Magie D. Op. cit. P. 351; Wylie G.J. Op. cit. P. 448.

²⁵ Collins H.P. Decline and fall of Pompey the Great // Greece & Rome. 1953. Vol. 22. No. 66. P. 103; Downey G. Op. cit. P. 151; Magie D. Op. cit. P. 351; Sherwin-White A.N. Lucullus, Pompey and the East. P. 250.

Следовательно, утвердившееся в современной историографии мнение, согласно которому полномочия Помпея были законными, Лукулла же – незаконными, т.к. последний действовал вне правового поля, нуждается в значительном уточнении. Полномочия обоих военачальников превосходили традиционные полномочия римского полководца, что было продиктовано военной ситуацией. Однако полномочия Лукулла расширялись постепенно постановлениями сената, полномочия же Помпея оформились сразу, посредством специальных законов. Определенную роль, видимо, сыграло то обстоятельство, что оформление полномочий Помпея происходило на фоне уже сложившихся постепенно полномочий Лукулла и воспринималось менее болезненно. Все это делало положение Помпея в глазах современников гораздо более легитимным.

ЧЕРКАСОВА С.В. (САМАРА)

РИМСКО-КРИТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 70-60 ГГ. I В. ДО Н.Э.

Особую страницу в истории римской восточной политики представляют столкновения со средиземноморскими пиратами. Во второй половине II – первой трети I вв. средиземноморское пиратство достигает необычайного расцвета, что создает значительные препятствия для эффективного управления внеиталийскими владениями Рима¹. Решение пиратского вопроса становилось все более необходимым мероприятием для новой средиземноморской державы.

Одним из регионов, где никак не удавалось уничтожить пиратство, были прилегающие к Криту воды. Остров Крит с древнейших времен играл значительную роль в развитии средиземноморского пиратства. Установление римского господства в восточном Средиземноморье привело к интенсификации контактов с Критом, учитывая его важное стратегическое положение в регионе. Постепенно отношения Рима и критских полисов эволюционировали во враждебные, особенно обострившись в первой половине – середине I в. до н.э. Причиной тому послужила поддержка критянами врагов Рима².

На рубеже 70–60-х гг. до н.э. пиратская проблема особенно обостряется. В 74 г. до н.э. в Риме свирепствовал голод вследствие неурожая и, главным образом, невозможности нормально подвозить продовольствие, в том числе и из-за пиратского разбоя³.

Однако относительно подробная информация о критско-римских отношениях содержится в источниках, начиная с событий второй половины 70-х гг. до н.э., связанных с пиратской угрозой. В рамках борьбы с пиратством в целом и на Крите в частности, в 74 г.

---

¹ *Boak A.E.R.* The extraordinary commands from 80 to 48 BC: a Study in the Origins of the Principate // *AHR.* 1918. Vol. 24. No. 1. P. 8; *Cary M.* The Lex Gabinia once more // *CR.* 1924. Vol. 38. No. 7/8. P. 163; *Ormerod H.A.* Piracy in the Ancient World. Liverpool, 1978. P. 219; *Sherwin-White A.N.* Roman Foreign Policy in the East 168 BC. to AD. 1. L., 1984. P. 157; *Stuart Jones H.* A Roman Law concerning Piracy // *JRS.* 1926. Vol. 16. P. 160; *Игнатенко А.В.* Древний Рим: от военной демократии к военной диктатуре. Свердловск, 1988. С. 132–133.

² *Armstrong R.* Cretan women: Pasiphae, Ariadne, and Phaedra in Latin poetry. Oxf., 2006. P. 307; *Гурин И.Г.* Серторийская война (82–71 гг.). Испанские провинции Римской Республики в начальный период гражданских войн. Самара, 2001. С. 248.

³ *Бокщанин А.Г.* Парфия и Рим. М., 1966. Ч. 2. Система политического дуализма в Передней Азии. С. 34.

претору Марку Антонию⁴ сенатом была дана власть над всеми морскими берегами, находящимися под римским управлением (Cic. Verr. II.2.8, III.2.13)⁵. Собственно, для данной кампании была создана новая, особая магистратура – морской главнокомандующий⁶.

Его империй был определен сенатом как *imperium infinitum aequum* (Vell. Pat. II.31.3; Cic. Verr. II.2.8; III.2.13)⁷; Цицерон же говорит об *imperium infinitum*, поскольку он не был ограничен конкретными пределами (Cic. Verr. II.2.8, III.2.13), к тому же он получал *curatio infinita totius orae maritimae* (Ps.-Ascon. 202, 259)⁸ (у Саллюстия – “... orae maritimae qua Romanum esset imperium curator nocentior piratis” (Sall. Hist. Fr. III.2)).

О греческой интерпретации империя Антония можно судить благодаря надписи из Эпидавра, согласно которой Марк Антоний признавался τῷ ἐπὶ τῶν πάντων στρατηγῷ⁹. Веллей Патеркул нам сообщает, что империй Антония был равен империи Помпея (67 г.): *paene totius terrarum orbis imperium* (II.31). Однако полномочия Антония были ограничены временем: то есть это была обычная магистратура, которая пролонгировалась (каждый год), до тех пор, пока *bellum adversus Cretenses parum prospere gestum morte sua finivit* (Liv. Erit. 97; App. Sic. 6.1)¹⁰. Таким образом Марк Антоний признавался единым военачальником для войны против пиратов, и его полномочия в ведении военных действий не были ограничены территориально.

В обязанности Антония входило набрать и экипировать флот из провинций¹¹. Помимо него у Антония была конница (Sall. Hist. Fr. III.6). О качестве и количестве набранных им сил можно лишь сказать, по свидетельствам античных авторов, что они были недостаточны для квалифицированного и успешного ведения антипи-

⁴ Сын Марка Антония, проконсула 102 г., и отец триумвира (App. Sic. 6.1).

⁵ Boak A.E.R. Op. cit. P. 8; Cary M. Op. cit. P. 163; Sherwin-White A.N. Op. cit. P. 162; Stuart Jones H. Op. cit. P. 160; Абрамзон М.Г. Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия (II в. до н.э. – 74 г. н.э.). СПб., 2005. С. 78; Игнатенко А.В. Указ. соч. С. 132–133.

⁶ Magie D. Roman Rule in Asia Minor. Princeton, 1950. Vol. I. P. 292; Sherwin-White A.N. Op. cit. P. 157.

⁷ Boak A.E.R. Op. cit. P. 8; Cary M. Op. cit. P. 163; Ormerod H.A. Op. cit. P. 219; Sherwin-White A.N. Op. cit. P. 157; Stuart Jones H. Op. cit. P. 160; Игнатенко А.В. Указ. соч. С. 132–133.

⁸ Цит. по: Абрамзон М.Г. Указ. соч. С. 78.

⁹ Цит. по: Boak A.E.R. Op. cit. P. 8.

¹⁰ Ehrenberg V. Imperium Maius in the Roman Republic // AJPh. 1953. Vol. 74. No. 2. P. 117; Sherwin-White A.N. Lucullus, Pompey and the East // CAH². 1994. Vol. 9. P. 249.

¹¹ Ormerod H.A. Op. cit. P. 224; Моммзен Т. История Рима. М., 1941. Т. 3. С. 67.

ратской кампании (Cic. Verr. II.2.8; Flor. I.42.2–3; Plut. Ant. 1). К тому же Т. Моммзен отмечает, что флот, организованный для борьбы с пиратами, был весьма дорогим¹²; однако, А. Шервин-Уайт считает, что флот Антония был весьма значителен, но тут же добавляет, что сведений в источниках по этому поводу нет¹³.

Видимо, по этим причинам действия Антония не были удачными: он не был обеспечен соответствующим его обширной задаче количеством денег и судов; к тому же сказались личные качества полководца – для него гораздо интереснее было то, что он сам получит в результате этих действий, чем то, что может выиграть Рим. Античные авторы в целом относятся к действиям Антония довольно скептически и иронически. Так, у Флора мы находим такую оценку полководца: он настолько был уверен в победе, что «вез на кораблях больше оков для пленных, чем оружия» (Flor. I.42.2). Таким образом, складывается общее представление о невысоких профессиональных качествах Марка Антония как полководца.

С определенным успехом Антоний вел действия в западном регионе, по побережьям Сицилии и Испании, но когда он начинает борьбу с критскими пиратами, то здесь его постигает неудача¹⁴. Пятилетние действия против пиратов закончились безрезультатно, более того, сам Марк Антоний был разбит на море критским флотом, принудившим его заключить с Критом мирный договор (App. Sic. 6.1). Так ничего и не добившись, Антоний умер в 71 г. до н.э.¹⁵ (Liv. Epit. 97).

За свою деятельность Антоний получил от современников ироничное прозвище Критский¹⁶. Однако, по мнению современных исследователей, прозвище Антонием было получено как почетное, поскольку поставки хлеба в Рим стабилизировались, а совместные действия критян и Митридата на некоторое время приостановились. Данное *cognomina* было дано ему, скорее всего, не сенатом, а прежде всего его солдатами¹⁷.

В 70 г. до н.э. послы критян явились в Рим с предложением о возвращении пленных и восстановлении союза. И они едва не до-

¹² Моммзен Т. Указ. соч. С. 67.

¹³ Sherwin-White A.N. Lucullus, Pompey and the East. P. 249.

¹⁴ Armstrong R. Op. cit. P. 307–308; Magie D. Op. cit. P. 292–293.

¹⁵ Моммзен Т. Указ. соч. С. 67; Ферреро Г. Величие и падение Рима. СПб., 1997. Т. I. С. 101.

¹⁶ Armstrong R. Op. cit. P. 308; Magie D. Op. cit. P. 293; Sherwin-White A.N. Lucullus, Pompey and the East. P. 249; Ферреро Г. Указ. соч. С. 101.

¹⁷ Linderski J. The Surname of M. Antonius Creticus and the *cognomina ex vicibus gentibus* // ZPE. 1990. No. 80. P. 164.

бились положительного результата. Но римский сенат постановил, что критские общины, если они хотят избежать войны, должны были выдать Риму, помимо римских пленных, своих вожаков Ласфена и Панара, а также все корабли и лодки, имевшие четыре или более весел, выставить 400 заложников и уплатить штраф в 4 тысячи талантов. На это критские послы ответили, что они не уполномочены на принятие таких условий. Тогда было принято решение о том, чтобы один из консулов следующего года по истечении срока его должности отправился на Крит, чтобы или получить требуемую компенсацию или же начать войну¹⁸.

В соответствии с этим решением в 68 г. проконсул Квинт Цецилий Метелл был отправлен на Крит с заданием ликвидировать это второе по значению после Киликии гнездо пиратов в Средиземном море¹⁹. Благодаря Орозию, можно сказать, что в распоряжении Квинта Метелла были пехота и флот, поскольку он оперировал на суше и на море (Oros. VI.3.5.)²⁰. Т. Моммзен утверждает, что Метелл высадился на Крите с тремя легионами, однако, откуда он почерпнул подобную информацию – неизвестно²¹. Встречала римское войско критская армия в 24 тысячи человек под начальством Ласфена и Панара²².

В 67 г. он завоевывает город Кносс, Ликт, Кидонию и др. (Flor. I.42.7.4; App. Sic. 6.2; Oros. VI.3.5; Liv. Epit. 98; Vell. Pat. II.33.1)²³; Успехи Метелла отразились на положении дел в других регионах Средиземноморья (Oros. VI.3.5).

Чуть позже у Метелла возник конфликт с Помпеем, поскольку он считал, что Помпей отнимает у него военную славу, послав на Крит своего легата для принятия сдавшихся городов (App. Sic. 6.2; Flor. I.42.6; Liv. Epit. 99), причем Патеркул и Флор по-разному оценивают поведение Помпея²⁴. Ситуацию удалось урегулировать, и

¹⁸ Magie D. Op. cit. P. 293; Sestier J.M. La piraterie dans l'antiquité. P., 1880. P. 197; Sherwin-White A.N. Lucullus, Pompey and the East. P. 249; Моммзен Т. Указ. соч. С. 67.

¹⁹ Armstrong R. Op. cit. P. 308; Феррепо Г. Указ. соч. С. 137.

²⁰ ...*quem mox navali terrestrique proelio comminutum Sicilia decedere compulit.*

²¹ Моммзен Т. Указ. соч. С. 68.

²² Там же.

²³ Sestier J.M. Op. cit. P. 198; Моммзен Т. Указ. соч. С. 67–68; Хаджидаки Э. Критское эллинистическое пиратство // ВДИ. 1992. № 2. С. 158.

²⁴ Патеркул обвиняет Помпея в излишнем стремлении к славе, Флор же объясняет его вмешательство стремлением спасти побежденных критян от жестокости Метелла (Vell. Pat. II.33.2; Flor. I.42.6).

год спустя (т.е. в 66 г.) «Квинт Метелл подчиняет римским законам» остров Крит (App. Sic. 6.2; Liv. Epit. 100; Plut. Pomp. 29)²⁵.

По словам Аппиана, Метелл был «прозван Критским с большим основанием, чем Антоний» (App. Sic. 6.2) и, в отличие от Антония, его прозвище Критский было “*confecto bello ... ex virtute*”²⁶. О кампании Метелла никогда не говорили, что его война была столь же успешной, как и Помпея, в ходе которой были уничтожены очаги средиземноморского пиратства, что, однако, не помешало ему в 62 г. до н.э. все таки справить триумф за свои деяния (Liv. Epit. 49; App. Sic. 6; Plut. Pomp. 29; Dio Cass. XXXVI.17–19; 45.1)²⁷.

Крит являлся последним значительным оплотом пиратства, который был подчинен Римской республикой, в результате чего проблема морского разбоя была временно ликвидирована (App. Mithr. 96; Cic. De imp. XI.31; Oros. VI.4.1)²⁸.

Таким образом, только после того как действия критян и их союзников стали угрожать жизненным интересам Рима и Италии, правящие круги Римской республики обратили пристальное внимание на положение дел на этом большом острове, играющем важную роль в истории Средиземноморья. До этого, судя по всему, положение дел на Крите Рим не интересовало, что может послужить примером политики римского государства в отношении зависимых от него регионов.

²⁵ Oros. VI.4.2: ...*legesque Minois Romanis legibus permutavit*. См.: Sherwin-White A.N. Lucullus, Pompey and the East. P. 250; Sestier J.M. Op. cit. P. 199; Бунпер Р.Ю. Избранные сочинения. Ростов-на-Дону, 1995. Т. 1. С. 376; Моммзен Т. Указ. соч. С. 100–101; Ферреро Г. Указ. соч. С. 141.

²⁶ Linderski J. Op. cit. P. 164.

²⁷ Armstrong R. Op. cit. P. 308.

²⁸ Balsdon J.P.V.D. Consular Provinces under the Late Republic, I. General considerations // JRS. 1939. Vol. 29. P. 73; Magie D. Op. cit. P. 301; Millar F. The Mediterranean and the Roman Revolution: Politics, War and the Economy // Past and Present. 1984. No. 102. P. 11; Reynolds J. Cyrenaica, Pompey and Cn. Cornelius Lentulus Marcellinus // JRS. 1962. Vol. 52. P. 100; Ферреро Г. Указ. соч. С. 137.

ХРУСТАЛЕВ В.К. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАРОДНОГО ТРИБУНА ГАЯ КОРНЕЛИЯ И ПРИНЯТИЕ *LEX CALPURNIA DE AMBITU*

Гай Корнелий не является по-настоящему крупной фигурой в политической жизни Римской Республики I в. до н.э. Наши сведения о его биографии крайне скудны. Известно, что он служил квестором у Гнея Помпея Великого, скорее всего, в Испании, во время войны с Серторием (Ascon. 57, 61 Clark). По возвращении Корнелий был избран народным трибуном на 67 г.¹ В период пребывания в этой должности он действует активно и энергично, а после 65 г. бесследно исчезает со страниц истории. Похоже, что этот трибунал так и остался венцом его политической карьеры.

Деятельность Гая Корнелия в период его насыщенного событиями трибуната рассматривается в ряде исследований². В данной статье мы сосредоточимся лишь на одном ее аспекте, а именно на борьбе Корнелия за принятие нового закона о подкупе избирателей.

Проблема эта не нова. Различные нарушения, связанные с выборами должностных лиц, фиксируются с более ранних времен³. В римском праве подобные злоупотребления квалифицировались как *ambitus* – незаконное домогательство должности. Вообще, определение понятия *ambitus* достаточно расплывчато. Под него попадали все правонарушения, совершаемые кандидатами во время предвыборной кампании для того, чтобы обеспечить себе поддержку избирателей. В первую очередь, это был, конечно, прямой подкуп деньгами. В целях обеспечения необходимой секретности при подкупе использовалась целая система промежуточных звеньев, которая включала: *interpretes* (переговорщиков) – лиц, договаривавшихся о сделке, и *divisores* (раздатчиков) – людей, непосредственно распределявших деньги среди избирателей по трибам. Иногда к

¹ Все даты в настоящей работе – до н.э.

² Griffin M. The tribune C. Cornelius // JRS. 1973. Vol. 63. P. 196–213; McDonald W. The Tribunate of Cornelius // CQ. 1929. Vol. 23. P. 196–208; Seager R. The Tribunate of Cornelius: Some Ramifications // Hommages à Marcel Renard. Brussels, 1969. Vol. 2. P. 680–686; Ward A.M. Politics in the trials of Manilius and Cornelius // TAPhA. 1970. Vol. 101. P. 545–556.

³ Подробнее об этом см.: Lintott A. Electoral bribery in the Roman Republic // JRS. 1990. Vol. 80. P. 3–7.

этой операции привлекали также посредников – *sequestres*, которые сохраняли деньги у себя и раздавали их уже после выборов.

Однако кандидаты пользовались и более изощренными способами. Яркую картину тех средств и уловок, к которым прибегали соискатели государственных должностей, рисует «Краткое наставление по соисканию» (*Commentariolum petitionis*) Квинта Цицерона⁴. Римские традиции требовали от кандидата «радушия» (*benignitas*) и «щедрости» (*liberalitas*) по отношению к своим избирателям, которые считались вполне законными, в отличие от «домогательства» (*ambitus*) и «подкупа» (*largitio*). Соискатель повсюду ходил в окружении толпы сопровождающих (*adsectatores*), и по их количеству судили о его влиянии и популярности. В свиту кандидата входили клиенты, которые, среди прочего, должны были поддерживать своего патрона на выборах; это были лица, чем-либо ему обязанные или, наоборот, рассчитывающие на его покровительство. Подобная практика первоначально никак не регулировалась и открывала широкие возможности для злоупотреблений. Стремясь увеличить число своих сопровождающих, кандидаты устраивали для них пышные банкеты, предоставляли им места на играх, наконец, просто платили им деньги (*Cic. Mur.* 67–70). Еще одной уловкой, которую использовали кандидаты на выборах, было использование номенклаторов (*nomenclatores*). Номенклатором назывался раб, сопровождавший кандидата и сообщавший ему имена встречаемых избирателей, чтобы соискатель мог их поприветствовать⁵. Упомянем также о гладиаторских играх, которые устраивались кандидатами для того, чтобы завоевать расположение плебса (*Ascon.* 88 Clark).

⁴ Вопрос об авторстве «Краткого наставления...» до сих пор остается дискуссионным в историографии. С некоторыми аргументами «за» и «против» авторства Квинта Цицерона можно познакомиться, в частности, в следующих работах: *Balsdon J.P.* *The Commentariolum petitionis* // *CQ.* 1963. Vol. 13. P. 242–250; *Hendrickson J.L.* *On the authenticity of the Commentariolum petitionis of Quintus Cicero* // *AJPh.* 1892. Vol. 13. P. 200–212; *McDermott W.C.* *Commentariolum petitionis 2* // *Historia.* 1970. Bd. 19. Ht. 3. S. 384–385; *Nisbet R.G.* *The Commentariolum petitionis: some arguments against authenticity* // *JRS.* 1961. Vol. 51. P. 84–87; *Richardson J.S.* *The Commentariolum petitionis* // *Historia.* 1971. Bd. 20. Ht. 4. S. 436–442. Как бы то ни было, это произведение остается ценным свидетельством реальной политической практики в Римской республике в последние десятилетия ее существования.

⁵ Этот обычай был настолько распространенным, что, когда Марк Катон Младший баллотировался в военные трибуны, он был единственным из всех кандидатов, который следовал существующему закону и не прибегал к услугам номенклатора, чем немало удивил и даже смутил своих приверженцев (*Plut. Cat. Min.* 8).

В 60-е гг. проблема борьбы с этим видом преступлений встала особенно остро. В 70 г. была восстановлена цензура, упразднённый Суллой. Цензорами стали два консула 72 г., Луций Геллий Попликола и Гней Корнелий Лентул Клодиан. При составлении ими нового списка сенаторов из состава сената по разным поводам были исключены 64 человека. Чтобы вернуться в сенаторское сословие, этим людям необходимо было снова добиваться избрания на государственную должность. Это обстоятельство сделало борьбу на выборах в последующие годы еще более напряженной и, безусловно, способствовало росту злоупотреблений (Dio Cass. XXXVI.38.2).

Законом, который призван был бороться с предвыборными нарушениями, в тот период времени все еще оставался *lex Cornelia de ambitu*, принятый Суллой во время реорганизации судов в 81 г. По нему кандидату, уличенному в незаконном домогательстве, запрещалось повторно домогаться государственной должности в течение следующих десяти лет (Schol. Bob. 78 Stangl)⁶. Однако в новых условиях эти меры уже казались недостаточными. Встал вопрос о принятии нового, более сурового, закона для борьбы с предвыборными махинациями. Инициатором его как раз и выступил в 67 г. народный трибун Гай Корнелий.

Обращаясь к анализу этих событий, мы должны отметить, что, к сожалению, состояние источниковой базы оставляет желать лучшего. Связный рассказ можно найти только у двух авторов – Диона Кассия (XXXVI.38–39) и Аскония Педиана в его комментарии к речам Цицерона (*Pro Cornelio de maiestate*), произнесенной в 65 г. (Ascon. 57–81 Clark). Данные этих писателей совпадают не полностью, а кое-где и противоречат друг другу. Поэтому встает вопрос о степени достоверности обоих вариантов традиции⁷.

Рассмотрим и сопоставим версии развития событий, предлагаемые каждым из этих авторов. Асконий пишет: «Будучи магист-

⁶ Сведения об этом законе чрезвычайно скудны. Некоторые исследователи (см., напр.: Long G. *Ambitus // Thayer W., Smith W. A Dictionary of Greek and Roman Antiquities*. L., 1875. P. 77) вообще отрицают его существование. Аргументы в пользу того, что законодательство Суллы о подкупе избирателей все-таки существовало, см. об этом: Lintott A. *Op. cit.* P. 5. Note 24, 7.

⁷ Разные исследователи отдают предпочтение либо одному, либо другому источнику, что, в свою очередь, влияет на предлагаемые ими варианты реконструкции событий. М. Гриффин (*Griffin M. Op. cit.* P. 199 ff.) больше доверяет Асконию, а У. Макдоналд – Диону Кассию (*McDonald W. Op. cit.* P. 200–203), Ф. Мюнцер (*Münzer F. Cornelius // RE*. 1901. Bd. 4. Sp. 1252 ff.) и Э. Грюн (*Gruen E.S. The last Generation of the Roman Republic*. Berkeley; Los Angeles; L., 1974. P. 213–216).

ратом, [Корнелий] вел себя так, что справедливо казался неуступчивым. Вызвал отчуждение сената он по следующей причине. Он предложил сенату, чтобы, так как послам чужеземных народов деньги даются под большие проценты и из этого извлекают бесстыдную и позорную прибыль, никто не давал послам чужеземных народов займы денег. Его предложение сенат отверг и постановил, что кажется достаточно надежным [средством] то, что было установлено сенатусконсультом за несколько лет до этого, в консульство Луция Домиция и Гая Целия [94 г.], так как сенат несколькими годами ранее по такому же поводу на основании того сенатусконсульта постановил не давать денег займы критянам⁸. Корнелий, по этой причине обиженный на сенат, пожаловался на это на народной сходке. [Он заявил]: провинции разоряются из-за [взимания ростовщиками] процентов; должно быть предусмотрено, чтобы послы имели определенную сумму денег на текущие нужды. И он обнародовал проект закона, которым уменьшал власть сената, [предложив] чтобы никто не освобождался от действия законов [иначе], кроме как народом. И это также обеспечивалось древним законом, поэтому во всех сенатусконсультах, которыми кто-либо освобождался от действия законов, обыкновенно прибавлялось, чтобы по этому вопросу обращались к народу. Но постепенно это было прекращено, и уже вошло в обычай, чтобы, наконец, не делать в сенатусконсультах добавление о необходимости обращаться к народу; и сами эти сенатусконсульты составлялись в присутствии лишь немногих» (Ascon. 57–58 Clark). Асконий в своем изложении вообще не упоминает законопроект о подкупе, он лишь туманно сообщает о «многих других законах» (*alias complures leges*), предложенных трибуном Корнелием (Ascon. 59 Clark).

Дион Кассий, напротив, ничего не знает о внесении Корнелием законопроекта об иностранных посольствах; из его рассказа можно понять, что первым законопроектом Корнелия был проект о подкупе, который не встретил одобрения сената. Дион Кассий объясняет, что сенаторы сочли предложенные Корнелием наказания для виновных слишком суровыми: в таких условиях нелегко будет найти общественных обвинителей, да и судьи не захотят выносить обвинительные приговоры. Поэтому консулам Гаю Кальпурнию Пи-

---

⁸ Речь идет о событиях 70 г. Подробнее по этому поводу см.: Griffin M. Op.cit. P. 197. Note 14.

зону и Марку Ацилию Глабриону было поручено составить свой, более умеренный проект закона против подкупа (XXXVI.38.4–5). Наибольшую активность в его разработке проявил Гай Кальпурний Пизон, и в результате разгорелась борьба между двумя законопроектами – консула Пизона и трибуна Корнелия⁹.

Асконий и Дион Кассий сходятся в том, что Корнелий, недовольный отклонением его законопроекта сенатом, созвал народную сходку (*contio*). На ней он предложил восстановить старый, уже давно не применявшийся закон, по которому никакое отступление от существующих правовых норм не может быть осуществлено сенатом без обращения к народному собранию. Эта инициатива Корнелия вызвала недовольствие сенатской верхушки, которая попыталась помешать ее претворению в жизнь (Ascon. 58 Clark; Dio Cass. XXXVI.39.2).

Версия Диона представляется нам более логичной с точки зрения мотивов Корнелия. Если же мы отдадим предпочтение сообщению Аскония, то не совсем ясно, чего же он хотел добиться своим законопроектом. Единственным объяснением остаются только личные мотивы – желание отомстить сенату за свой отвергнутый законопроект. Эти основания кажутся нам недостаточно вескими. Напротив, если мы примем версию Диона Кассия, то действия Корнелия кажутся вполне разумными.

Дело в том, что объяснение причин, по которым проект Корнелия был отвергнут сенатом, приводимое Дионом (XXXVI.38.4–5), нам представляется лишь формальной отговоркой. На деле многие из сенаторов, будучи кандидатами, наверняка использовали какие-то не совсем честные «предвыборные технологии». Сам Пизон в предыдущем году был обвинён в подкупе избирателей в ходе своей кампании на выборах в консулы, но спасся, подкупив также и суд. В то же время проект Корнелия был поддержан плебсом; полностью игнорировать его сенат не мог, так как, действительно, зло-

⁹ Вопрос об участии Марка Ацилия Глабриона в разработке данного законопроекта довольно темен. Цицерон во фрагменте, сохраненном Асконием, говорит только об одном консуле; очевидно, что он имеет в виду Пизона (Cic. Pro Corn. apud Ascon. 75 Clark; см. также: Cic. Mur. 46). Сам Асконий также связывает внесение этого закона исключительно с Пизоном и везде называет его *lex Calpurnia* (Ascon. 69 Clark). Л. Хэйн вообще полагает, что Глабрион мог симпатизировать и даже поддерживать Гая Корнелия: *Hayne L. The Politics of M. Glabrio, cos. 67 // CPh. 1974. Vol. 69. P. 282*. Мы поостережемся делать столь смелые выводы, но несомненно, что Ацилий Глабрион, в отличие от своего коллеги Пизона, не принимал активного участия в борьбе против Корнелия.

употребления на выборах всё множились. Поэтому и было принято решение противопоставить ему другой, сенатский вариант закона. Проблема заключалась в том, что к этому моменту уже была объявлена дата предстоящих выборов магистратов. Согласно римскому законодательству, теперь ни один закон не мог быть утвержден, пока выборы не закончатся¹⁰. Тем не менее, сенаторы проголосовали, чтобы законопроект Пизона поставили на голосование до выборов и чтобы консулам дали вооружённую охрану (Dio Cass. XXXVI.39.1).

Таким образом, запретив сенату без одобрения народного собрания освобождать кого-либо от действия законов, Гай Корнелий тем самым желал заблокировать рассмотрение проекта Пизона.

Тогда противники Гая Корнелия прибегли к испытанному средству – трибунской интерцессии. Был найден один из народных трибунов, некий Публий Сервилий Глобул, который наложил вето на законопроект Корнелия. Корнелий, однако, не подчинился и сам зачитал народу текст своего закона. Попытка консула Пизона ему противодействовать привела к беспорядкам: консульские фации были сломаны, а в самого Пизона полетели камни. После этого Корнелий распустил собрание (Ascon. 58, 60–61 Clark; Cic. In Vat. 5; Dio Cass. XXXVI.39.3–4; Quintil. Inst. Orat. IV.4.8).

Выборы магистратов на следующий, 66 г., дважды откладывались – вероятно, по инициативе сената, так как это дало Пизону еще одну возможность представить комициям свой проект закона (Cic. De imp. Pomp. 2; см. также: Att. I.11.2). Однако он не встретил поддержки народа, который шумно потребовал принятия закона Корнелия (Ascon. 74–75 Clark).

О том, что происходило дальше, источники умалчивают. Асконий сообщает лишь, что, когда Пизон предложил закон более суровый, чем существовавший, он был атакован многочисленными *divisores* и силой изгнан с форума (Ascon. 75 Clark). После этого Пизон обратился к гражданам с призывом поддержать предложенный им закон (Cic. Pro Corn. apud Ascon. 75 Clark). По всей видимости, уже на следующих комициях *lex Calpurnia* был принят.

Если, судя по сообщениям источников, первоначальный вариант этого закона и был более умеренным, чем законопроект Корне-

¹⁰ Это ограничение устанавливали *leges Aelia et Fufia* (Schol. Bob. 148 Stangl).

лия, то в окончательной редакции предусматривались более строгие наказания¹¹. Согласно ему, осужденным запрещалось когда-либо в будущем выдвигать свою кандидатуру на государственные должности; кроме того, они исключались из состава сената и присуждались к денежному штрафу (Ascon. 69 Clark; Dio Cass. XXXVI.38.1; Schol. Bob. 78 Stangl). Однако все эти санкции относятся только к нарушителям-кандидатам. Мы можем лишь предполагать, предусматривал ли *lex Calpurnia* какие-то наказания для других участников предвыборных махинаций, в частности, для посредников – *divisores*¹².

Одним из важнейших представляется вопрос о характере борьбы между Гаем Корнелием и Пизоном. На первый взгляд, эти события идеально ложатся в русло идущей ещё от Т. Моммзена концепции противостояния двух римских «партий» – оптиматов и популяров. Демократический трибун Корнелий предлагает закон, направленный против сената; ему противостоит консервативный нобиль, консул Кальпурний Пизон¹³.

Однако в настоящий момент большинство исследователей обоснованно критикуют эту точку зрения¹⁴. На наш взгляд, наиболее резонно рассматривать деятельность Корнелия в этот период в тесной связи с политикой Гнея Помпея¹⁵. Гай Корнелий, как мы уже упоминали, в свое время был квестором последнего. Гай Кальпурний Пизон относился к числу непримиримых соперников Помпея и был тесно связан с Луцием Лицинием Лукуллом, Квинтом Гортензием и Марком Кальпурнием Бибулом. В свое консульство, помимо оппозиции Корнелию, он также сопротивлялся принятию закона народного трибуна Авла Габиния о предоставлении Пом-

¹¹ Э. Грюн вообще считает, что между законопроектом Корнелия и принятым *lex Acilia Calpurnia* не было принципиальной разницы. См.: Gruen E.S. Last... P. 214–215.

¹² Т. Моммзен отрицал, что *lex Acilia Calpurnia* затрагивал *divisores* (Mommesen Th. Römisches Staatsrecht. Leipzig, 1888. Bd. 3. S. 870). Ему возражает Э. Грюн (Gruen E.S. Last... P. 214–215), аргументы которого представляются нам более убедительными. В поддержку этой версии см. также доводы М. Гриффин: Griffin M. Op. cit. P. 197.

¹³ Именно под таким углом рассматривают события трибуната Корнелия, например, У. Макдоналд (McDonald W. Op. cit. P. 196 ff.) и Х. Майер (Meier Ch. Res publica amissa. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten Römischen Republik. Wiesbaden, 1966. S. 141).

¹⁴ См., напр.: Griffin M. Op. cit. P. 196, 203 ff.; Gruen E.S. Last... P. 213–214.

¹⁵ Одна из первых таких попыток была предпринята Л.Р. Тэйлор: Taylor L.R. Caesar's Early Career // CPh. 1941. Vol. 36. P. 128–130.

пею империя для борьбы с пиратами¹⁶. Вообще в тот период Помпей часто пользовался услугами народных трибунов в своих интересах; вспомним, что именно он в 70 г. стал автором закона о восстановлении в полном объеме трибунской власти, урезанной Суллой (Cic. De leg. III.9, 22; Verr. I.15.44; Liv. Erit. XCVII; Plut. Pomp. 22; Vell. Pat. II.30.4). Отмечается, что законопроекты, предложенные Корнелием, в целом отвечают «генеральной линии» политики Помпея, проводившейся им в данный период¹⁷.

Подводя итоги, можно сказать, что принятие *lex Calpurnia* стало шагом вперед в развитии римского уголовного законодательства. Для кандидатов, уличенных в подкупе, предусматривались намного более суровые наказания, чем ранее. Есть серьезные основания предполагать, что впервые действие закона распространялось не только на самих преступников, но и на их соучастников. Действенность закона подтвердилась очень быстро: уже в 66 г. вновь избранные консулы Публий Корнелий Сулла и Публий Автроний Пет были уличены в подкупе и осуждены. Однако окончательно победить коррупцию и злоупотребления на выборах так и не удалось. Уже в 66 г. вновь начинаются разговоры об ужесточении законодательства, и в 63 г., в год консульства Цицерона, был принят новый закон о подкупе – *lex Tullia*.

---

¹⁶ О взаимоотношениях Пизона и Помпея подробнее см.: Gruen E.S. Pompey and the Pisones // CSCA. 1968. Vol. 1. P. 156–159.

¹⁷ См.: Griffin M. Op. cit. P. 203 ff. Относительно законопроекта *de ambitu* Р. Сигер, в частности, замечает, что выступление Корнелия против подкупа избирателей имело целью отобрать контроль за выборами у *principes civitatis*, которые противодействовали Помпею (Seager R. Op. cit. P. 680 ff.).

ВЬЮШКИН М.В. (КАЗАНЬ)

**К ПРОБЛЕМЕ КАТЕГОРИИ JUSTITIA У ЦИЦЕРОНА
(ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРАКТАТОВ
«О СТАРОСТИ», «О ДРУЖБЕ», «ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ»)**

Главными тенденциями в римском праве кризисной эпохи II–I вв. до н. э., переходного периода от республики к империи, были: восприятие греческих идей о естественном праве, сращение с греческой философией и территориальное расширение действия римской «конституции» в рамках складывающейся империи, т. е. проблемы сущностного наполнения и формы. Главным выразителем первой тенденции был Марк Туллий Цицерон (106 – 43 гг. до н.э.). Именно его почитали как первого, кто реально сблизил римское мышление с греческой культурой. Как активный участник всех политических событий и оратор высочайшего класса. Цицерон представляет собой ценнейший источник.

Органической частью всех его политических, морально-этических построений об «упадке нравов», необходимости «*concordia ordinum*» становится категория «справедливости» или «законности», хотя более правильно обозначить эту проблему как проблему *justitiae*.

Впервые в советском антиковедении суть этого понятия попыталась передать Е.М. Штаерман, ставя проблему отношения к законности и справедливости в кризисную республиканскую эпоху, и их осмысления правовой системой в системе перехода правосознания «от гражданина к подданному». Однако и у нее, и у главного переводчика Цицероновских трудов В.О. Горенштейна *justitia* переводится на русский язык то как справедливость, то как законность¹. Такая двойственность сохраняется и сейчас, например, в переводах Л.Л. Кофанова.

Наиболее близко к пониманию особенностей *justitiae* подошел Пьер Грималь в своей монографии «Цицерон». Он прямо переводит: «*Justitia* – юстиция, право, совокупность норм, юридических и моральных, основанных на *jus*»². И передает в переводе этот тер-

¹ Штаерман Е.М. От гражданина к подданному // Культура Древнего Рима. М., 1985. Т. 1. С 44–46. См. также выполненные В.О. Горенштейном переводы сочинений Цицерона.

² Грималь П. Цицерон. М., 1991. С. 538.

мин двумя словами: «право и справедливость» или «справедливость, основанная на праве».

Надо сказать, что категория *justitiae* присутствует у Цицерона во многих трудах, однако к концу жизни (ум. в декабре 43 г. до н. э.) уровень её теоретического осмысления значительно повышается. Традиционно три последних трактата «О старости» (первая четверть 44 г.), «О дружбе» (после 15 марта 44 г) и «Об обязанностях» (октябрь–декабрь 44 г) принято объединять в отдельную группу, на основании схожести предмета этих трактатов: это политико-философские темы о значении и смысле старости, ценности мудрости для общества, о дружбе как союзе граждан на основании общих политических взглядов, о нравственных основах государственной деятельности, гражданском долге. Писались они в уникальной политической обстановке – большей частью после смерти Цезаря – и могли отражать надежды на возрождения Республики.

Именно потому, что трактаты посвящены, прежде всего, этическим темам их редко привлекают для анализа правовой сферы древнеримской культуры. Хотя, на мой взгляд, все философско-этические построения в этих трактатах есть часть государственно-правовых воззрений автора. Просто в виду представления о «гибели республики», личных переживаний, собственной отстранённости от политической борьбы акцент в восприятии мира, дел общественных и государственных у Цицерона смещается на отдельную личность, её качества как основы идеального государственного устройства.

Неоднозначность перевода и трактовки понятия, вызывает необходимость подробного понятийно-терминологического анализа текстов. И хотя метод пришел из области лингвистики, называемой понятийным терминоведением, очень интересным кажется опробовать его на древних текстах. Оценки семантических и структурных свойств терминов и понятий, герменевтический разбор используемых категорий – вот суть исследования данного этапа. Отличительной особенностью метода в лингвистики считается именно научность анализируемых текстов, о которой в античности говорить сложно. Однако отметим, что предложенные трактаты имеют предельный уровень теоретизации материала для того времени, а учитывая гений Цицерона в области совестного мастерства

и относительно узкий характер предмета в них, считаем уместным именно такой подход.

Сложности в понимании этого термина-понятия придает еще и наличие других терминов: *aequitas* (справедливость в этическом отношении) и *legitime* (законность, как строгое соответствие писаным нормам). Поэтому для лучшего понимания нами была предложена трехуровневая схема, по которой все регуляторы в обществе можно разделить на три уровня:

уровень *aequitas* – нравственно-этическая плоскость справедливости, высокая мораль;

уровень *justitia* – пограничное и не устоявшееся в полной мере понятие, обозначающее совокупность юридических и моральных норм, справедливость права, абстрактную законность, не привязанную к конкретному закону, одно из оснований естественного права;

уровень *lex* – т.е. закона, юридического правила, конкретных юридических правил и принципов. Законность здесь, прежде всего, легитимность (*lēgitimē*).

Justitiae представлена как элемент теории естественного права. Понятия справедливости, нравственных достоинств явно выведены за пределы отдельной личности, они присутствуют в природе и человек может либо отвергать их, либо следовать им, но они априорны. Концепция естественного права у Цицерона выглядит стандартным образом:

Априори данные от природы качества человека (разум, речь, стремление постигать истину, защитные инстинкты) позволяют объединяться в общности, где господствуют чувства законности, справедливости и доброта (*iustitiam, aequitatem, bonitatem*) (Cic. Off. I.50).

Из первоначальных семейно-родственных общностей возникает государство, и, несмотря на заявления об общности всего человеческого рода, Цицерон признает общности на основе племени, народа, языка, гражданской общины (*civitas*) более «близкими нам» (Cic. Off. I.54). Выше всех стоит связь отдельного человека и государства.

Главные основания действия *justitiae* в обществе – это охрана порядка и принципа частной собственности, и сохранение «относи-

тельного» равенства³. Определение таких общих философско-правовых основ человеческого сообщества говорит об универсальном характере Цицероновских выводов. Цицерон сам заявляет, что то, о чем он говорил, есть *infinitus* – беспредельное общество. Очень примечательно, что Цицерон, рассуждая о *justitiae* для обозначения общества, чаще употребляет слова *commune*, *hominum societas* (Cic. Off. I.15, 20, 21), *sanctam societatem* (Cic. Off. I.26), ни о какой *civitas* или полисе речи не идет. Это доказывает глобальное действие категории *justitia*, её связь как с гражданским правом, так и с высокой (божественной) моралью.

Синонимия и полисемия понятий *justitia*, *aequitas* или *legitime* не наблюдается в широких масштабах, её нет как явления. Поэтому можно утверждать, что понятие *justitia* имеет преимущественно один способ выражения.

Итак, по сути, во всех трактатах рисуются образы идеальные, а именно общественной связи между честными мужами, чьи нравы одни на другие похожи, связаны дружескими отношениями, нравственно-прекрасными основами, особенно справедливостью и щедростью (*iustitia et liberalitas*) (Cic. Off. I.56). Именно то, чего, по мнению, Цицерона не хватает современному ему Риму⁴.

Учитывая особую популярность этих трактатов Цицерона еще при жизни и сразу после смерти, естественно можно утверждать, что эти идеи не прошли мимо римской культуры.

Поверхностный анализ Гая Светония, Саллюстия Криспа и Тита Ливия выявил употребление и ими данных понятий, и варианты их укладываются в ту же трехуровневую сетку. А если взять классические источники римского права, наиболее близкие по времени к жизни Цицерона, – «Институции» Гая (II в. н. э.) и «Фрагменты» из произведений Домиция Ульпиана (ум. в 228 г.), «Пять книг Сен-

³ Первая задача *justitiae* – «в том, чтобы никому не наносить вреда, если тебя на это не вызвали противозаконием, затем – в том, чтобы пользоваться общественной собственностью как общественной, а частной – как своей (*iustitiae primum munus est, ut ne cui quis noceat, nisi lacessitus iniuria, deinde ut communibus pro communibus utatur, privatis ut suis*) (Cic. Off. I.20).

⁴ Можно проводить много параллелей, что всё это есть попытка на этической основе объяснить необходимость объединения римской аристократии, через возрождение морали личности возродить республику, а проблема опыта старости должна дать понять насколько сам Цицерон, отстранённый от большой политики, важен для самой этой политики. Но ясно одно, что органической частью морально-этического концепта является идеи натурправовой *justitiae*.

тенций к сыну» Юлия Павла (конец II – нач. III вв.), то можно делать и некоторые выводы о терминологичности характера *justitiae*.

Классические источники римского права термина *aequitas* сознательно не используют, хотя и знают⁵, предпочитая в виду своей специфики оставаться на уровне *justitiae* и *legitime*. Хотя и в них есть моменты, говорящие о «моральном» смысле *justitia*, когда ее можно перевести как «справедливость» (Ulp. XX.1).

Итак, *justitia* – это совмещенное понятие, на грани двух сфер, этической и правовой. У Цицерона она присутствует в системе натурправовых и этических взглядов на жизнь как понятие, а в классических источниках римского права это, скорее, устоявшийся термин.

Понятие носит универсальный характер и приложимо как к абстрактным явлениям, так к конкретным фактам и случаям. Особая гибкость (гибкость) может объясняться с одной стороны неустойчивостью понятия вообще в римском сознании, с другой особым писательским мастерством автора. Однако нам более основательным кажется «новизна» для римской философско-правовой мысли этого понятия о *justitiae* в осмыслении Цицероном.

Формы и значение термина вполне можно признать уже устоявшимся, хотя в культуре и интеллектуальном поле римской культуры это была одна из первых попыток её осмысления.

И хотя истоки *justitiae* на римской почве нам пока не известны, можно проследить восприятие цицероновских натурправовых трактовок, прежде всего римским правом. Выяснить механизм подобных «рецепций» – вещь необходимая.

---

⁵ «Ибо справедливо, чтобы внуки наследовали вместо своего отца..» (*aequum est enim, nepotes in patris sui locum succedere...*) (Ulp. XXVI.2)

ВЬЮШКИН М.В. (КАЗАНЬ)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СПРАВЕДЛИВОСТИ И ЗАКОННОСТИ В РЕЧАХ ЦИЦЕРОНА

Эвристический базис представлений о справедливости и вытекающей из неё законности, как они утвердились в общеевропейском культурном пространстве, был заложен еще в античности. Справедливость – категория не только морального, но также правового, экономического и политического сознания – всегда выступает в качестве системообразующего элемента социального сознания. Не случайно исследователи, независимо от их методологических предпочтений, демонстрируют через представления о справедливости симптоматику состояния общества, акцентируя внимание одни – на воспроизведении в этих представлениях закономерностей исторического процесса, другие – на их роли в формировании исторической памяти¹. В любом случае, представления о справедливом и воплощениях справедливости чрезвычайно важны для понимания хода исторического процесса.

Что касается времени Цицерона, т.е. эпохи перехода от Республики к Империи, то это один из ярких примеров того, как меняются самые важные, базисные основы жизни общества. Наследие Цицерона, в этом случае, очень удобный материал для рассмотрения римских представлений о справедливом и законном, которые стали важной частью классического римского права, столь востребованного европейской цивилизацией. К выяснению роли этих категорий в миропонимании римлян I в. до н.э. подталкивает еще и то обстоятельство, что и в традиции переводов, и в историографии присутствует путаница в определении конкретных терминов, которыми следует передавать эти категории. *Aequitas* и *Justitia* часто смешивают и путают, к этому прибавляются трудности с термином *legitime*. Хотя римлянам и не было свойственно философствовать так, как грекам, все же в римской общественной мысли можно найти и абстрактные, и конкретные, основанные на исторических прецедентах, рассуждения относительно справедливости и законности.

---

¹ Ср.: Гринберг Л.Г., Новиков А.И. Критика современных буржуазных концепций справедливости. Л., 1977; Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 250–253. В первом случае воспроизводится марксистский подход. Во втором – антропологический, когда представления о справедливости выступают в качестве одного из механизмов формирования исторической памяти (*justitia connectiva*).

Такие, вполне систематизированные и выверенные, рассуждения мы находим в последних трактатах Цицерона («О старости», «О дружбе», «Об обязанностях»), где он рассматривает их в системе естественного права.

В результате терминологического анализа этих трактатов возможно выделить определённую систему «общественных регуляторов», рассматриваемых древним автором. Она отражает три уровня осмысления справедливости: уровень *aequitas* (нравственно-этическая плоскость справедливости – высокая мораль), уровень *justitia* (пограничное понятие, обозначающее совокупность юридических и моральных норм одновременно, справедливость права, абстрактную законность, не привязанную к конкретному закону), уровень *lex* (закон, конкретное юридическое правило; законность здесь, прежде всего, легитимность – *legitime*).

Значение цicerоновского корпуса для исследователя истории идей в переломную эпоху I в. до н.э. в том, что мы располагаем еще двумя видами источников, по которым можно проследить некую эволюцию взглядов автора на справедливость и законность: это его письма и речи. Последние и стали объектом анализа в данной статье.

За свою жизнь Цицерон написал и опубликовал более сотни речей, из которых до нас дошли 58. Типологию и деление речей в данном случае мы опустим и перейдем сразу к некоторым полученным выводам, прежде определив, что же Цицерон вкладывал в эти понятия.

Aequitas считается одним из самых значительных творческих принципов создания и толкования римского права, игравшим существенную роль в правопонимании римских юристов². Сформировался он под влиянием греческой и римской философии, хотя римские юристы теоретически его не разработали и даже не давали определения. Поэтому нам приходится делать заключения по косвенным данным, второстепенным упоминаниям. О.В. Аксенова говорит о том, что применительно к правовым явлениям понятие «справедливость» выражалось словом «*justitia*»³. Это лишь отчасти так, ибо *justitia* имела самостоятельное значение, более широкое, чем сфера права.

---

² Аксенова О.В. *Aequitas* как важнейший принцип римского права // Вестник ТИСБИ. 2005. № 3 // <http://www.law.edu.ru/doc/-document.asp?-docID=-1219314>.

³ Там же.

У Цицерона эти понятия чаще всего выступают в качестве характеристик человека, его поступков. Это две великие добродетели, разница между которыми видна очень слабо. Обладание властью, по его мнению, должно сочетаться с добродетелью *aequitas*. С самой первой речи Цицерон часто взывает к справедливости (*aequitatis*) судей (Cic. Quinct. 5–6.), попутно обвиняя всех своих противников и некоторых магистратов в несправедливости и пристрастности⁴. *Justitia* – это не высшая нравственность как *aequitas*, а человеческое качество другого плана, это способность соотносить свои действия с потребностями общества, не наносить вреда никому, т.е. действовать по правилам. Её как заслугу, как доблесть упоминают больше всего⁵.

Почти не встречаются примеры употребления *aequitas* по отношению к законам или правовым постановлениям, так обозначаются только решения людей⁶. *Justitiae* в речах, как и в трактатах, продолжает оставаться на некоем промежуточном положении между моральными оценками и собственно правом. Контекст, её окружающий, говорит об этом. Заявляя, что Помпею было бы справедливее (*iustissime*) предоставить полномочия децемвира по аграрному закону Рулла, Цицерон намекает на его большой авторитет среди народа, неподкупность, мужество. При всем при этом он тут же подтверждает это ссылкой на народные постановления (законы) о предоставлении Помпею обширных военных полномочий вести «все войны со всеми народами на суше и на море» (Cic. Leg. agr. I.23).

Частая апелляция к общественному мнению в речах вполне понятна, оно выступает в качестве источника. К примеру, Катилина заслужил справедливую ненависть всего народа⁷, а сам Цицерон –

⁴ Законность и понятия её олицетворяющие в устах Цицерона превращаются в мощное оружие обвинения, в добродетель, присущую древнеримским устоям. При этом оратором признается, что основы её в современном ему обществе значительно поколеблены. Так, Цицерон обвиняет претора в том, что из-за его несправедливости и нарушения порядка (*id accidit praetoris iniquitate et iniuria*) ему приходится выступать первым, хотя он защитник, и в сторону его клиента «не выпущено пока ни одной стрелы». (Cic. Quinct. 9). Народного трибуна Сервилия Рулла, проводившего очередной аграрный закон в 63 г., Цицерон обвиняет в нехватке справедливости к римскому народу и его свободе (*aequitas in vos (Quirites – M.B.) libertatemque*) (Cic. Leg. agr. I.20).

⁵ См. интересные высказывания: Cic. Mur. 23; 30; Cic. Rosc. Am. 76.

⁶ Как, например, в эпизоде с частью закона Сервилия Рулла, где территория Реценторика в Сицилии освобождалась от действия закона. Здесь справедливым признаётся не правовое постановление в отношении территории, а решение, принятое в Риме относительно этого (Cic. Leg. agr. I.57).

⁷ «...*tu cum conscientia scelerum tuorum agnoscas odium omnium iustum et iam diu tibi debitum, dubitas*» – «...ты же, зная за собой свои злодеяния и при-

почти справедливый упрёк отчизны в бездеятельности⁸. И в таких моментах лучше всего видна разница её с *aequitas*. Условно можно сказать, что *aequitas* – справедливость сферы *потенциального* равенства, а *justitia* – этико-правовое понятие справедливости из области *актуального* неравенства.

В корпусе речей наблюдается смешанное употребление разных вариантов этих понятий, однако явна и тенденция к терминологизации понятий. Это заметно на примере двух речей: за Секста Росция Америкского (80 г. до н.э.) и за Квинта Росция-актёра (76 г. до н.э.). В первой Цицерон также активно обращается к образам справедливого, к принципам равенства, однако устойчиво термин *aequitas* не встречается, чаще присутствуют близкие к нему «*aequa*» «*aequiores*» (Cic. Rosc. Am. 7). При этом сохраняется многозначность смыслов понятия, древняя языковая основа *aequa* – «ровность», «одинаковость» – используется и как речевой оборот («также..., как и...»)⁹, и в других смыслах¹⁰. Уже во второй речи справедливость выступает и в форме определённого правового принципа, будучи встроенной в жёсткие арбитражные формулы¹¹. Возможно, это связано с тем, что Цицерон в промежуток между этими выступлениями несколько лет провел в Греции, где активно занимался изучением греческой философии.

К сожалению, какую-либо эволюции во взглядах Цицерона на *justitia* и *aequitas* по материалу речей проследить сложно. И для целостного понимания древних представлений о справедливости и её воплощении необходимо привлечение более широкого круга источников. Однако и анализ речей добавляет еще один штрих к определению разницы в содержании анализируемых понятий. Его

зная всеобщую ненависть справедливой и давно уже заслуженной, еще колеблешься» (Cic. Cat. I.17). Или выражение «*supplicis iustis*» – «заслуженная кара» (Cic. Cat. I.20).

⁸ «*Nunc, ut a me, patres conscripti, quandam prope iustam patriae querimoniam detester ac deprecet...*» - «Теперь, отцы-сенаторы, дабы я мог решительно отвести от себя почти справедливую, надо сказать, жалобу отчизны...» (Cic. Cat. I.27).

⁹ «*In rebus minoribus socium fallere turpissimum est aequeque turpe atque...*» - «Обмануть товарища по предприятию даже в менее важном деле - низкий поступок, столь же низкий, как и...» (Cic. Rosc. Am. 116).

¹⁰ «*...si hac indigna suspicione careat, animo aequo se carere suis omnibus commodis dicit*» – «Если с него будет снято это не заслуженное им подозрение, то он, по его словам, спокойно перенесет утрату всего своего состояния» (Cic. Rosc. Am. 144). См. также: Cic. Rosc. Comod. 2, 16.

¹¹ «*Quid est in arbitrio? Mite, moderatum: quantum aequius et melius sit dari*» – формула арбитражного суда составлена в более мягких, умеренных выражениях: «сколько должно быть уплачено в видах справедливости...» (Cic. Rosc. Comod. 11). См. также: Cic. Rosc. Comod. 12.

можно обозначить как «масштаб действия»: *aequitas* – более внутриличностное, морально-индивидуальное определение, *justitia* – скорее относится к характеристике общества, группы людей, постановлений и договоров, распространяющихся на множество персоналий, или к характеристике человека, но как члена определённой среды, группы.

Для более полного понимания цицероновских представлений о справедливости и законности необходимо привлечение всего комплекса источников, а также сравнение его взглядов с представлениями других древних авторов.

НИКИТИНА К.А. (САРАТОВ)

СТАТУЯ АВГУСТА ИЗ ПРИМА ПОРТА: ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА

Изображений Августа сохранилось довольно много. Можно без преувеличения сказать, что ни один деятель античной эпохи не представлен в скульптурных памятниках так хорошо, как Август¹. Август был одним из первых политиков в истории, который понял, что искусство может служить важным средством пропаганды, и активно применял это на практике². Портретные статуи прославляли Августа как миротворца, украшали площади и общественные здания огромной столицы Римской империи и других городов Апеннинского полуострова, а также провинций. Римские скульпторы создавали прототипы статуй, с которых делалось большое количество копий, которые в дальнейшем распространялись по всему римскому миру, устанавливались в общественных местах римских провинций³. Через эти статуи и бюсты каждому человеку в империи становилось известно, как выглядит их император. Статуи дошли до нашего времени в большом количестве, потому что их не разбивали и не уничтожали после смерти Августа, как позднее поступали после свержения многих других римских императоров, вызывавших у народа и сената не только страх, но и ненависть⁴. Большинство дошедших статуй были созданы во время правления Августа, но многие статуи воздвигались и после смерти императора, т.к. Август был обожествлен и существовал его культ⁵.

При Августе начал складываться новый политический строй – принципат, который оказал сильнейшее влияние на все сферы жизни. Сущность его состоит в том, что наряду с сенатом – республиканским органом – Римом правил также принцепс – «первый сенатор», который сосредотачивал в своих руках высшую гражданскую, военную и жреческую власть. В обширной надписи, которая подводит итог его жизни и известна под названием «*Res gestae divi*

---

¹ Машкин Н.А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М., 1949. С. 589.

² Thompson N.L. Roman Art. N.Y., 2007. P. 40.

³ Ibid.

⁴ Обширный материал по этой теме специально рассматривается в монографии: Varner E.R. *Damnatio memoriae and Roman imperial portraiture*. Leiden; Boston, 2004.

⁵ Машкин Н.А. Указ. соч. С. 567.

Augusti», Август дает формулировку этой новой политической системы и характеризует свою власть. Он сообщает, что он является идеальным гражданином, который потушил огонь гражданских войн, защитив при этом свое государство и возродив старые обычаи, присущие республиканской эпохе⁶. За свои деяния он был отмечен наградами – высшими должностями, которые он получил по закону, и это высшее положение в государстве было ознаменовано заботой о римском государстве⁷.

Идеология находит свое отражение в изобразительном искусстве: принцепса изображали во всех его государственных должностях – верховным жрецом, облаченным в тогу и приносящим жертвы богам, полководцем, выступающим с речью перед войсками, а порой и всесильным божеством⁸. В одних статуях он представлен стоящим во весь рост, в других – сидящим на троне, закутанным в широкую тогу или облаченным в воинские доспехи, или же выступающим с полуобнаженным торсом, в виде божества.

Есть мнение, что Августа всегда изображали в зафиксированном возрасте, вне зависимости от его возраста и времени правления⁹. На самом деле, до настоящего времени дошло множество статуй, в которых явно отражено возрастное различие¹⁰. Вероятнее всего, историки, придерживающиеся мнения о зафиксированности возраста Августа¹¹, делали свои выводы, ориентируясь на немногие памятники.

Одно из самых значительных и известных изображений Августа – это статуя из Прима Порта. Она была найдена в 9 милях от Рима, на Фламиниевой дороге в развалинах виллы жены Августа Ливии у римских ворот Прима Порта¹². Как предполагают ученые, статуя стояла на постаменте, на северо-востоке атриума здания и,

⁶ *Машкин Н.А.* Указ. соч. С. 315.

⁷ Там же.

⁸ Примеры разных ипостасей образа Августа: римский гражданин – статуя из Виа Лабикана (ок. 10 г. н.э. Национальный музей, Неаполь); полководец – статуя из Прима Порта (10–20 гг. до н.э. Ватиканский музей, Рим); жрецом Август предстает на фризе Алтаря Мира (13 г. до н.э. Рим, Марсово поле); космократор – статуя из Кум (I в. н.э. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж).

⁹ *Thompson N.L.* Op. cit. P. 39.

¹⁰ Достаточно сравнить, например, портрет молодого Августа – мраморную голову из Вероны (40-е гг. до н.э. Верона, Археологический музей), и изображение Августа в расцвете сил – статую из Прима Порта (кон. I в. до н.э. Рим, Ватиканский музей).

¹¹ *Leach E.W.* The Politics of Self-Presentation: Pliny's «Letters» and Roman Portrait Sculpture // *ClAnt.* 1990. Vol. 9. No. 1. P. 25.

¹² *Furtwangler A., Ulrichs H.L.* Greek and Roman sculpture. L., 1914. P. 231.

тем самым, встречала входящих гостей взглядом и поднятой рукой¹³. В настоящее время оригинал статуи размещен в Ватиканском музее в Риме¹⁴. По поводу датировки этого памятника идут споры. Существует несколько точек зрения. Датировка варьируется от 20-х годов I в. до н.э. по I в. н.э. (поставгустовского времени). В защиту мнения о том, что эта работа 10-х годов I в. до н.э. – нач. I в. н.э., времени от даты возвращения знака римского легиона до смерти Августа, служит рельеф панциря статуи, на котором центральные фигуры изображены на земле: линии почвы под ногами фигур пластично намечены. Следовательно, Август в тот момент был жив, он не парит в воздухе подобно окружавшим его божествам. Если бы эта статуя была создана после смерти Августа, то рельеф, вероятно, был бы иной. Император посмертно был обожествлен, появился его культ, значит, тематика была бы направлена именно на этот факт, а не на событие, которое произошло треть века назад.

Статуя изваяна из мрамора, в высоту она немного больше натурального роста¹⁵. Перед зрителем – величественная фигура мужчины в расцвете сил, который облачен в боевые доспехи. Такой тип статуи изображает полководца, выступающего с речью перед войсками. Август здесь в короткой, выше колен, тунике; поверх надет панцирь с рельефными сценами; бедра окутывает плащ – палюдamentum, конец его переброшен через локоть левой руки. Полководец показан без обуви. У ног его изображен Амур на дельфине.

Если говорить об источниках, к которым восходит статуя Августа из Прима Порты, то существует мнение, что прототипом здесь послужил «Копьеносец» Поликлета¹⁶. Сходство статуарных произведений проявляется в положении ног – левая отставлена назад, пятка ее оторвана от постамента, другая является опорной, на которой держится вся тяжесть тела. Используя этот прием, скульптор делает фигуру подвижной и оживленной, будто находящейся еще в процессе ходьбы¹⁷. Однако думается, что прием этот носит здесь чисто технический характер и не имеет никакого отношения к «подражанию Поликлету». Конечно, именно он является мастером,

¹³ *Klynne A., Liljenstolpe P.* Where to Put Augustus? A Note on the Placement of the Prima Porta Statue // *AJPh.* 2000. Vol. 121. No. 1. P. 126–127.

¹⁴ *Бритова Н.Н., Лосева Н.М., Сидорова Н.А.* Римский скульптурный портрет. М., 1975. С. 30.

¹⁵ *Furtwangler A., Urlichs H.L.* Op. cit. P. 231.

¹⁶ *Машкин Н.А.* Указ. соч. С. 593.

¹⁷ *Furtwangler A., Urlichs H.L.* Op. cit. P. 232.

который впервые стал широко использовать этот композиционный прием – но следует учитывать и то, что в течение прошедших с того времени четырех столетий прием этот успел стать общим достоянием скульпторов, так что ни о каком прямом влиянии не может быть речи¹⁸. Скорее, неизвестный скульптор был знаком с работами эллинистических ваятелей и, в некоторой степени, был ими вдохновлен¹⁹.

Еще одним прототипом статуи из Прима Порты называют «Оратора», этрусско-римскую статую II в. до н.э.²⁰ Статуя оратора знаменита своим жестом – протянутая вперед правая рука призывает к тишине²¹. Однако заострять на ней внимание как на прямом прототипе тоже не следует: в конечном счете, она была выражением сложившейся традиции. Высоко поднятая рука августовской статуи выражает желание полководца обратиться к своим легионам, призыв слушателей к вниманию – и такое же движение вполне естественно для говорящего перед народом оратора. По имеющимся данным, этот жест был традиционным в позднереспубликанскую эпоху и многократно повторен в римских произведениях – скажем, в конной статуе Бальба Младшего (Неаполь, Национальный музей) или в статуе, изображающей Августа в его гражданской ипостаси, в тоге (Флоренция, галерея Уффици)²². Таким образом, следует говорить, скорее, об использовании автором статуи уже сложившихся к тому времени художественных приемов и стереотипов, чем о подражании конкретным произведениям.

Кроме следования римской традиции, в статуе Августа проявляется и традиция эллинистической парадной скульптуры. Именно ее следствием является некоторая непропорциональность фигуры

¹⁸ В качестве примеров использования того же самого приема можно привести произведения, относящиеся к разным эпохам: находящуюся в Риме, в Ватикане, статую неизвестного грека (*Hecler D. Greek and Roman Portraits. N.Y., 1912. P. 50*), знаменитую статую диадоха (*ibid. P. 82*), находящуюся в Национальном музее в Афинах статую неизвестного (*ibid. P. 127*), статую Юлия Цезаря в кольчуге (Рим, Дворец Консерваторов) (*ibid. P. 156*).

¹⁹ *Wickhoff F. Roman Art. Some of its Principles and their Application to Early Christian Painting. L., 1900. P. 28.*

²⁰ *Машикин Н.А. Указ. соч. С. 593.*

²¹ *Лосева Н.М., Сидорова Н.А. Искусство Этрурии и древней Италии. М., 1988. С. 236.*

²² Бальб: *Hecler D. Op. cit. P. 153*; Август в тоге: *ibid. P. 165* (в этом случае, правда, жест несколько иной, рука простерта вперед примерно на уровне груди, как если бы аудитория, к которой обращается принцепс, была менее многочисленной. Это, скорее, выступление в сенате, а не перед народом или на сходке воинов).

императора. Голова и ноги здесь изображены весьма реалистично, вероятно, таковые болезненный по своей природе Август и имел. Что касается торса, то широкая грудь и плечи, мускулистая, тяжелая рука, которая явно толще ног, смотрятся совсем не гармонично с остальными частями тела. Если сравнивать изображение Августа с эллинистическими скульптурными портретами, то там напряженное, мощное тело визуально не выделялось на фоне идеализированного лица²³. В римской же традиции мощный торс был объединен с головой, выполненной реалистично, со всеми чертами, свойственными лицу портретируемого²⁴. Варьируя между двумя традициями, чисто римской со свойственным ей *веризмом*, и греческой, ваятель неизбежно получал непропорциональные фигуры статуй. Смысл подобного исполнения туловища понятен: статус военачальника предполагает в нем, помимо прочего, и качества сильного воина. Поэтому целью скульптора, не отходя от традиционного веризма, было возвеличивание императора в глазах римских граждан и врагов империи.

Рассмотрим другие художественные мотивы статуи Августа из Прима Порта. Довольно странным является, что скульптор запечатлел Августа с босыми ногами во время торжественной речи перед легионами. Попробуем понять смысл этого решения. Визуально разделим статую на две части – верхнюю и нижнюю. Верхняя часть – это подчеркивание личностных качеств императора и военачальника: мужество, сила, волевой характер. Эти характеристики акцентируют богатое облачение, и выражение лица – энергичное и уверенное²⁵. Нижняя часть статуи отсылает зрителя к героическому прототипу и напоминает о происхождении рода Юлиев от Венеры – на это намекает изображение Амура, еще одного порождения этой богини, на дельфине. Художник обратил свой взгляд к традиции передачи образа Ахиллеса – скульпторы изображали его нагим, что составляет принадлежность героических личностей²⁶. Однако, как выразительно подчеркивал Н. Ханнештад, «римский сенатор был по определению, и, очевидно, своему самосознанию,

---

²³ Типичный образец такого героизированного образа являет известная статуя эллинистического правителя-диадоха в Национальном музее в Риме (см.: *Hecler D.* Op. cit. P. 82–84).

²⁴ *Fejfer J.* Roman portraits in Context. B., 2008. P. 205.

²⁵ *Furtwangler A., Ulrichs H.L.* Op. cit. P. 233.

²⁶ *Fejfer J.* Op. cit. P. 200.

почтенный человек, мудрый и опытный командир, который никогда не бросался в гущу схватки, как то делал Александр на мозаике, несущей его имя. Более того, он был прилично одет. Довольный собой, одеянием, которое выделяло его как римлянина в противоположность другим народам, он никогда не позволил бы представить себя в героической наготе»²⁷. Нехарактерная «босота» статуи Августа (аналогия с героической наготой) приближает образ принцепса к герою Илиады²⁸. Амур дополняет значение: с Августом у них общий предок – Венера. Таким образом, статуя из Прима Порта представляет зрителю одновременно и героя-победителя и обожествленного императора.

Панцирь Августа украшают рельефы, на которых показаны несколько сцен. Взор сразу же приковывает к себе центральная, изображающая две человеческие фигуры, стоящие друг напротив друга. По облачению можно определить, что одна из фигур – это римский воин: он в шлеме, сапогах, с переброшенным через плечо плащом. У ног воина изображен волк – священное животное Марса. Есть несколько версий по поводу его идентификации: это бог Марс²⁹, или пасынок Августа Тиберий³⁰ или, наконец, сам Август³¹. В пользу того, что здесь изображен Марс свидетельствует как фигура лежащего рядом волка, так и некоторые особенности изображения лица и прически. Второе предположение основано на том, что именно с Тиберием связано возвращение с Востока римских орлов³². Кроме того, некоторые авторы считают, что статуя была создана после смерти Августа в правление его пасынка Тиберия. Рельеф прославляет его и подтверждает легитимность его власти благодаря заслугам и символическому одобрению Августа. За это говорит то, что база, на которую помещена статуя, установлена не ранее правления Тиберия. Однако напрашивается вопрос – почему статуя обязательно современна базе? Почему она не могла быть по-

²⁷ *Hannestad N.* *Imitatio Alexandri in Roman Art // Alexander the Great: Reality and Myth.* Roma, 1993. P. 61.

²⁸ Нагие статуи в эллинистическом мире предназначались для сообщения зрителю об экстраординарном, героическом характере и достижениях личности. Это были почетные статуи правителей и атлетов.

²⁹ *Bringmann K., Schäfer T.* *Augustus und die Begründung des römischen Kaisertums.* В., 2002. S. 245.

³⁰ *Машкин Н.А.* Указ. соч. С. 594.

³¹ *Schlange-Schöningh H.* *Augustus.* Darmstadt, 2005. S. 108–109.

³² См. об этом: *Парфенов В.Н.* Император Цезарь Август: Война, политика, идеология. СПб., 2001. С. 72–78; *Борисов Ю.* Тиберий Клавдий Нерон. Путь к власти. М., 2001. С. 69–71.

ставлена на новый, специально установленный в данном месте постамент? Наконец, мнение о том, что здесь изображен сам Август, пожалуй, обосновано слабее всего, поскольку личного участия в этих событиях принцепс не принимал и может выступать в данной сцене только как гарант установившегося нового порядка – но это тематически не вписывается в содержание рельефов панциря. Таким образом, вопрос о том, кто подразумевается под римским воином пока остается открытым.

В одежде второй фигуры прослеживаются варварские черты – нехарактерная для римлян рубашка и штаны. Эта фигура держит в руках древко, увенчанное орлом. По бокам от этой сцены – две спокойные и меланхоличные женские фигуры. Одна из них (справа от варвара) держит ножны без оружия и трубы, другая отдает меч победителю. В верхней части панциря, на грудной части, показана сцена начала дня – утреннее небо, когда солнце поднимается над горизонтом³³. Наверху, в центре этой композиции – могучий старец, бог Неба, который распростёр над миром свою мантию. Слева мчится влекомая небесными конями колесница бога Солнца (Соль), который изображен юным, в развевающихся одеяниях³⁴. Справа, перед колесницей, покидает небо Аврора, держащая в руках пустой кувшин из-под росы и уносящая на своих плечах богиню ночи с вуалью и факелом³⁵. На нижней части панциря также изображены божества римского пантеона. Под фигурами женщин – покровитель Августа Аполлон на грифоне и Диана на лани³⁶. Под всеми сценами – богиня земли Теллус с рогом изобилия³⁷. Таким образом, рельеф панциря содержит достаточно большое количество религиозно-мифологических персонажей, появление которых в этом контексте нуждается в интерпретации. Обратимся для начала к той части рельефа, которая связана с историческими событиями.

В начале правления Августа основной ареной борьбы была Испания. Объединив соседние племена, в 28 г. против Рима выступили кантабры. В 19 г. после частых восстаний они были окончательно покорены Агриппой. Значительные затруднения приносила и

³³ Машкин Н.А. Указ. соч. С. 594.

³⁴ Zanker P. The Power of Images in the Age of Augustus. Ann Arbor, 1988. P. 191.

³⁵ Furtwangler A., Urlichs H.L. Op. cit. P. 235.

³⁶ Машкин Н.А. Указ. соч. С. 594.

³⁷ Zanker P. Op. cit. P. 175.

борьба с племенами, обитавшими севернее Италии. До 25 г. были покорены племена аквитанцев, саласов и иллирийцев. В провинции были превращены Реция и Норик. Последнее событие было важной исторической победой, которое ознаменовалось сооружением памятника «Трофей Августу» в честь покорения этих племен (CIL. V.7817; Plin. NH. III.20.136). Одновременно с этим шла борьба с германскими племенами, в ходе которой были покорены батавы, фризы, хатты, свевы и херуски³⁸.

На Востоке основное внимание было уделено отношениям с парфянами. Эта борьба была необходима: следовало смыть пятно позора, оставшееся со времен Красса, когда парфяне захватили символ римского легиона – древко с орлом на вершине. Для Августа победа над посрамившим империю врагом была идеологически важна: она означала восстановление чести и славы. Августу в 20 г. удалось достичь победы дипломатическими уловками и вернуть знамена³⁹. 12 мая произошла церемония передачи Тиберию знамен и пленных послами парфянского царя⁴⁰.

Итак, в центре композиции отображены события 12 мая 20 г., когда парфянами были возвращены знаки римского легиона. Это изображение задает тематику – победы Августа – всем остальным рельефам в центре панциря. Соответственно, две фигуры сидящих женщин – это персонификации побежденных народов⁴¹.

Покоренные Римом народы – иберийские, галльские и германские племена и Парфия – расположены, соответственно, на западе, севере и востоке относительно Рима. Таким образом, центральный рельеф на панцире статуи отсылает зрителя к западным, северным и восточным победам Августа. Однако к военным победам имеют отношение и Диана и Аполлон, чьи изображения находятся в нижней части панциря. Именно им Октавиан был обязан своей победой при Навлохе над Секстом Помпеем и при Акции над Антонием и Клеопатрой⁴². Последняя победа особенно важна, так как она положила конец гражданским и внешним войнам, которые раздирали Рим на протяжении двух десятилетий. В данном случае существен-

³⁸ Более подробный обзор внешней политики Августа в это время см.: *Машкин Н.А.* Указ. соч. С. 516–518.

³⁹ Там же. С. 523.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ *Zanker P.* Op. cit. P. 175.

⁴² *Bringmann K., Schäfer T.* Op. cit. S. 245.

но, что Египет расположен южнее Италии. Таким образом, Север, Юг, Запад и Восток – все четыре стороны света, подчинены власти Рима и его императора, они являются свидетелями и объектами его побед.

Теперь обратимся к мифологическим фигурам на панцире статуи. Верх и низ панциря замыкают фигуры Неба и Земли. Рог изобилия в руке богини в данном случае символизирует богатство и процветание нового мира под властью мудрого правителя⁴³. Таким образом, Август приобретает черты космократора – им покорены четыре стороны света, его деяния несут мир и изобилие истерзанному войнами земному кругу. Возможно, дополнительно ту же мысль об обновлении мира под его властью акцентирует появление на небе Солнца, прогоняющего ночную тьму. Этот символизм хорошо соотносится с теми заявлениями, которые делали поэты эпохи Августа⁴⁴ и делает статую из Примапорта одним из ценнейших источников для постижения пропаганды века Августа.

---

⁴³ *Amelung W., Holtzinger H. The Museums and Ruins of Rome. L., 1906. Vol. 1. P. 34.*

⁴⁴ Подробно об этом см.: Verg. *Aen.* VIII.720–728; Hor. *Carm. Saec.* 53–56; *Carm.* IV.5.25–28; 14.41–48; 15.21–24; Ovid. *Fast.* I.701–702, 709–719; II.857–862; VI.359–360.

СМЫКОВ И.Е. (САРАТОВ)

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА ЛУЧШЕГО ПРИНЦЕПСА: ПРОБЛЕМА ПРИЧИН ПАРФЯНСКОЙ ВОЙНЫ ТРАЯНА

Траян был последним из римских правителей, при котором активно проводилась наступательная внешняя политика. Он провёл две успешные кампании на Западе (первая и вторая Дакийские войны, 101–102 и 105–106 гг.), разгромив мощный союз дакийских племён. Самым красноречивым свидетельством этого деяния являются сцены из дакийской войны, изображённые на колонне Траяна, воздвигнутой им на новом форуме между Капитолием и Квириналом. Почти через десять лет после завершения Дакийской войны, в 115 г., началась война с Парфией, закончившаяся в 117 г. из-за смерти императора.

Что же стало причиной или причинами этой войны? Источники здесь предельно кратки – в сущности, информацию дает только Дион Кассий всего лишь одной фразой: «Затем он совершил поход против Армении и Парфии под тем предлогом, что армянский царь получил свою диадему не из его рук, а от парфянского царя, однако на деле – из-за желанья славы» (πρόφασιν μὲν ὅτι τὸ διάδημα ὑπ’ αὐτοῦ εἰλήφει, ἀλλὰ παρὰ τοῦ Πάρθων βασιλέως, ὁ τῶν Ἀρμενίων βασιλεὺς, τῇ δ’ ἀληθείᾳ δόξης ἐπιθυμία) (Dio Cass. LXVIII.17.1). Вполне естественно, что и исследователи не дают однозначной оценки причинам войны, и единого мнения по данному вопросу нет. Иногда один и тот же исследователь резко меняет свою точку зрения на прямо противоположенную. Так, к примеру, Теодор Моммзен в своем курсе лекций по истории Римской империи, читанном им в 1882–1886 гг., утверждает, что начавшаяся вскоре после смерти Пакора война «была следствием ничем не спровоцированного наступления римлян» и завоевательной войной в чистом виде». По его мнению, Траяна привлекала слава Александра, сказочность далёкого Востока, он хотел войны, а если кто хочет войны, то причину всегда найдёт»¹.

Однако в это же самое время, в вышедшем в 1884 г. пятом томе «Истории Рима», немецкий историк писал: «Отношения с правителем Парфии Пакором были не особенно дружественными, но толь-

---

¹ Моммзен Т. История римских императоров. СПб., 2002. С. 375.

ко при его брате и преемнике Хосрое дело дошло до разрыва, и снова из-за Армении. Виновниками этого были парфяне». Как довод в пользу виновности парфян в развязывании войны он приводит то, что Траян, передавая освободившийся армянский престол сыну Пакора Аксидару, действовал в границах принадлежащего ему права; но царь Хосрой заявил, что Аксидар не способен царствовать, и самовольно поставил царём вместо него другого сына Пакора – Партомасирида. Ответом на это со стороны Рима и было объявление войны².

В сущности, вопрос о причинах войны здесь подменен вопросом о виновнике ее развязывания; и на этот вопрос Т. Моммзен дает взаимоисключающие ответы. Тем не менее, если говорить только о политической стороне дела, предложенные Моммзеном истолкования являются основными; каждое из них имеет многочисленных сторонников³. Рассмотрим, какие факты можно привести в пользу предложенной интерпретации в том и в другом случае.

Можно ли свести всё к «армянскому вопросу»? Несомненно, события в Армении послужили поводом к войне, но есть ряд фактов, которые говорят о том, что готовилась она задолго до них. Во-первых, фактом является назначение Адриана командующим в восточные провинции, самое позднее - в апреле 112 г., хотя, вероятно, он отбыл на восток ещё в 111 г. Во всяком случае, он был избран архонтом-эпонимом Афин на 112 г.⁴ Только пять римских граждан получили это отличие за те двести лет, что Афины находились под римским господством. Все они, кроме одного, почти наверняка были греками по происхождению и месту жительства; единственным исключением был император Домициан, который получил это звание заочно, через императорскую прерогативу, – первый римский

² Моммзен Т. История Рима. СПб., 1995. Т. 5: Провинции от Цезаря до Диоклетиана. С. 293–294.

³ Армения как *casus belli*: Rawlinson G. The Sixth Great Oriental Monarchy, or the Geography, History and Antiquities of Parthia. N.Y., 1872. P. 299–300; *idem*. The Story of Parthia. N.Y., 1893. P. 300; Sykes P.M. A History of Persia. L., 1915. P. 410; Bivar A.D. The political history of Iran under the Arsacids // The Cambridge History of Iran. Cambr., 1983. Vol. 3. P. 87. Жажда славы: Duruy V. History of Rome and the Roman People. Boston, 1883. Vol. 5. P. 292–293 (В. Дюруи особо подчеркивает, что Траяну уже было 59 или 62 года, и для него это была последняя возможность возобновить свою военную славу).

⁴ Дата устанавливается на основании свидетельства Флегона из Тралл (FGH. 257.36.25), который относит архонтство Адриана к году, когда Траян был консулом в шестой раз вместе с Титом Секстием Африканом, т.е. 112 г. (см.: Букерман Э. Хронология древнего мира: Ближний Восток и античность. М., 1975. С. 228).

император, ставший афинским архонтом⁵. Следовательно, можно обоснованно предположить, что решение почтить Адриана свидетельствует о его присутствии в городе и о высоком статусе, который он имел⁶. В этом случае не может быть простым совпадением и то, что Эгнациеву дорогу, основной сухопутный путь из Италии в восточные провинции, проходивший через Балканский полуостров⁷, было приказано реставрировать именно в 112 г. Это мероприятие, скорее всего, была связано с подготовкой снабжения для войны с Парфией⁸.

Во-вторых, монетную чеканку 111/12–113 г. характеризует активизация военной тематики, возвещающая близкое отправление императора в поход. Типы реверсов монет того времени содержат изображения Марса с копьем и трофеем; орлов и значков легионов; Виктории; большой конной статуи на недавно построенном форуме, изображающей императора, попирающего своих поверженных врагов⁹.

В-третьих, в это же время осуществляется обожествление собственного отца Траяна¹⁰, одного из немногих римских командующих, которые получили триумфальные отличия за восточную кампанию¹¹. Д. Беннет называет этот факт бесстыдной попыткой манипулировать национальной волей для признания и доказательства семейного долга Траяна победить последнего остающегося врага Рима¹².

Что касается амбиций Траяна, то Траян, насколько можно судить, при всех своих завоеваниях, в отличие от Александра Великого не стремился к власти над миром – ни один источник не гово-

⁵ Jones B.W. The Emperor Domitian. L., 1993. P. 112.

⁶ Bennet J. Trajan: Optimus princeps. A Life and Times. L.; N.Y., 1997. P. 187.

⁷ Эгнациева дорога была продолжением италийской Аппиевой дороги, проходившей до Брундизия. Она начиналась в Диррахии и Аполлонии, по древнему торговому маршруту пересекала Балканские горы и шла до Византия (см.: Адкинс Л., Адкинс Р.А. Древний Рим. Энциклопедический справочник. М., 2009. С. 245–247).

⁸ Bennet J. Op. cit. P. 187.

⁹ См.: Mattingly H., Sydenham E.A. The Roman Imperial Coinage. L., 1926. Vol. 2. P. 262 (No. 258), 263 (No. 269, 270) – Марс; p. 264 (No. 294–296 – орлы и значки легионов; No. 280–287 – Виктория); p. 262 (No. 263), 264 (No. 290, 291) – император на коне.

¹⁰ См. монеты с изображением отца императора: Mattingly H., Sydenham E.A. Op. cit. P. 261 (No. 251, 252), 297 (No. 726–727), 301 (No. 762–764).

¹¹ Траян-старший управлял провинцией Сирия с 72/3 по 75/6 гг. О его деятельности там см.: Groß W.H. M. Ulpius Traianus (pater) 77 // RE. 1965. Spbd. 10. Sp. 1033.

¹² Bennet J. Op. cit. P. 193.

рит о том, что он простирал свои планы за пределы Парфии. Сравнение с Александром выводится современными исследователями на основании лишь того, что он вёл боевые действия в том же регионе, где за четыре с половиной столетия до него прошёл Александр. Достаточно взглянуть на официальные портреты Траяна, выполненные со стилизацией под римское республиканское прошлое, в суровой манере¹³, и на возвышенно-идеализированные портреты Александра, чтобы понять, что само такое сравнение можно считать некорректным. Любопытные данные по поводу отношения Траяна к Александру содержатся у Диона Кассия. С одной стороны, Траян, выйдя к Персидскому заливу, собирал информацию о делах в Индии, называл Александра счастливым человеком и говорил, что и сам он переправился бы в Индию, если бы был моложе. Но, с другой стороны, как типичный римлянин, он не испытывал никаких комплексов перед достижениями Александра и вполне мог заявлять, что продвинулся дальше, чем он (Dio Cass. LXVIII.29.1)¹⁴. В общем и целом, если оценивать глобальный смысл походов Траяна на Востоке, то можно согласиться с А. фон Домашевским: это была не мечта о повторении похода Александра, а попытка объединения в рамках Средиземноморской державы всех территорий, охваченных единой, как он её называет, «греко-семитской» культурой¹⁵.

Рубеж XIX–XX вв. в исторической науке был ознаменован повышенным интересом к проблемам экономического развития древности. Соответственно, и действия Траяна получили оценку с точки зрения экономики – начались поиски экономических мотивов для его восточного похода. Эта трактовка заняла лидирующее

¹³ Бритова Н.Н., Лосева Н.М., Сидорова Н.А. Римский скульптурный портрет. М., 1975. С. 49–50. Даже героизация образа императора, характерная для второй половины его правления, осуществлялась не в эллинистических, а в типично римских формах: «На этих портретах император старше, чем на ранних изображениях, лицо его стало строже, суровее, значительнее. Резче подчеркнуты складки на переносице, брови нахмурены, выдавая напряженную работу мысли. Несмотря на отсутствие пластически выполненного зрачка, глаза переданы очень выразительно – ощущается сосредоточенный, внимательный взгляд» (там же. С. 50).

¹⁴ Превосходство своих достижений над достижениями Александра демонстрировал уже Гн. Помпей Великий. См.: Смыков Е.В. Александр Великий и римская политическая идеология // Античное общество-IV: Власть и общество в античности. Материалы конференции антиковедов 5–7 марта 2001 г. СПб., 2001. С. 73–78.

¹⁵ Domaszewski A. von. Geschichte der römischen Kaiser. Leipzig, 1909. Bd. 2. S. 182.

место в отечественной науке. Так, С.И. Ковалёв напрямую связывал активизацию внешней политики Рима с кризисными явлениями в экономике: «Наиболее вероятным будет предположение, что причиной активизации римской внешней политики в начале II в. был ...хозяйственный кризис Италии.... Организация государственной благотворительности, начатая Нервой и продолженная его преемником, требовала больших средств. Налоговое обложение было доведено до крайней степени ещё при Флавиях и, как показала внутренняя политика Адриана, не могло быть увеличено. Оставался один путь – завоевания, которые должны были принести с собою военную добычу и увеличить доходы казначейства. Приток рабов мог решить проблему рабочей силы, которая при империи становилась всё более сложной. Наконец, на завоёванные территории можно было вывести колонистов и таким путём смягчить аграрный кризис»¹⁶.

На первый взгляд, эти причины кажутся довольно искусственными: перед войной с Парфией была проведена победоносная для Рима вторая Дакийская война, в ходе которой была захвачена огромная добыча. Свидетельством финансового благополучия государства было то, что в Риме Траян заложил новый форум, самый грандиозный из всех императорских форумов, который был построен на деньги, полученные им в ходе войны с даками. Не могло же всё, что было завоёвано, быть полностью потрачено сразу же, за те несколько лет, которые прошли с момента завершения дакийской кампании до начала подготовки к парфянской войне! Это выглядит тем более нереальным, что в Дакии были золотоносные и серебряные рудники, эксплуатация которых приносила немалые доходы¹⁷.

Однако, например, такой крупный знаток хозяйственной жизни Римской империи, как М.И. Ростовцев, ничего не говоря о кризисе, тоже подчёркивал: «Траян платил за свои победы колоссальным напряжением сил всей империи. Для проведения военных операций требовались все новые и новые мобилизации, их бремя ложилось почти исключительно на римские и романизированные области... Мужчины, уезжавшие на целинные земли востока и юга, редко возвращались назад, многие из них находили там свою

---

¹⁶ Ковалёв С.И. История Рима. Л., 1986. С. 549.

¹⁷ Кругликова И.Т. Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955. С. 86–91.

смерть; меж тем для колонизации и урбанизации недавно присоединенных провинций нужен был все новый и новый приток многочисленных людских резервов. <...> Времена, когда Рим мог финансировать свои войны, а победы приносили завоевателям богатства, миновали. Какой бы богатой ни была дакийская и месопотамская военная добыча, ее было недостаточно, чтобы покрыть колоссальные расходы на ежегодное проведение планомерных военных операций, требующих многочисленных войск и ведущихся на далеко удаленных друг от друга театрах военных действий. <...> Лишь тот, кто на собственном опыте испытал подобные трудности, несмотря на наличие современных железных дорог, автомобилей и крупных фабрик, может оценить всю остроту проблем, которые возникали в Древнем Риме во время настоящих, а не «колониальных» войн, продолжавшихся годами. Кроме того, после войны с даками Траян выделил огромные денежные суммы на *congiaria* для народа, *donativa* для солдат, а также на всевозможные игры и представления. Ещё большие затраты были им сделаны на масштабное строительство в Риме, Италии и в провинциях»¹⁸.

Таким образом, если развить мысль автора до логического завершения, расходы императора превышали доходы, и это делало войны необходимыми. Получается заколдованный круг: большие расходы покрываются новой войной, которая, в свою очередь, требует больших расходов и т.д. Конечно, признание той или другой связи войны с экономическими процессами, явлениями и нуждами Рима, при отсутствии надежных статистических данных, остается целиком на совести автора. Скажем, между дакийской и парфянскими войнами можно усмотреть и иную связь – не экономическую (необходимость покрывать расходы), а политическую – осознание собственного могущества. Так дело представлено, например, авторами учебника по истории древнего Рима: «Завоевание Дакии и общее укрепление империи в дунайском бассейне и Северном Причерноморье, по мнению господствующих кругов Рима, создало благоприятные условия для проведения крупномасштабной войны с могущественной Парфией и осуществления давнишней идеи Ри-

¹⁸ Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи. СПб., 2001. Т. 2. С. 75–76.

ма – вытеснить парфян из Месопотамии и отбросить их за горы Загроса»¹⁹.

В общем и целом, ко второй половине XX в. объяснение действий Траяна на основе признания влияния на его политику, полностью или в значительной степени, тех или иных экономических интересов стало доминирующим подходом²⁰. Соответственно, вполне конкретная личность принимающего решения императора заменяется более абстрактными понятиями – «правлящий слой», «господствующие круги» и т.п. Так, А.Г. Бокщанин всячески подчеркивал, что Траян действовал в интересах рабовладельческой знати, которая надеялась сокрушить «наследственного врага» на Востоке²¹. На теоретическом уровне проблема экономических мотивов римской внешней политики рассматривалась, в первую очередь, применительно к Римской республике эпохи великих завоеваний. Анализ фактического материала показал, что и в самом деле итогом ведения войн были экономические выгоды, которые получали, фактически, все слои общества²². В этом отношении ситуация в эпоху раннего принципата вряд ли изменилась. Но одно дело выгоды, полученные в результате войны, и совсем другое – экономические выгоды как побудительный мотив для начала войны. Американская исследовательница С. Мэттерн-Паркс, специально исследовавшая проблему отношения Рима к враждебному ему миру²³, подчеркивает: «В стремлении прочесть римское мышление, в поиске причин того, что они делали, а особенно – военного дела, для современных историков является обычным делом прибегать к экономическому, стратегическому или даже социальному рационализму – стремлению немногих великих людей к могуществу и славе – для того, чтобы объяснить то, что в ином случае кажется неясным. Но прежде всего важно осознать, что сами римляне признавали хорошие и плохие причины для ведения войны. Для

¹⁹ *История Древнего Рима*. М., 1993. С. 221.

²⁰ *Lepper F.A.* Trajan's Parthian War. Oxf., 1948. P. 156. Ф. Леппер не согласен с этим подходом, но для обстоятельной критики выбирает только один его вариант – теорию, согласно которой Траян вел войну, имея целью укрепиться на торговых путях, проходивших через Месопотамию к Персидскому заливу (*ibid.* P. 158–163).

²¹ *Бокщанин А.Г.* Парфия и Рим. М., 1966. Ч. 2. С. 227–228.

²² Обзор дискуссии см.: *Кащеев В.И.* Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220–146 годах до н.э. М., 1993. С. 74–78.

²³ *Mattern S.P.* Rome and the Enemy: Imperial Strategy in the Principate. Berkeley; Los Angeles; L., 1999.

них экономические факторы или жажда славы со стороны полководца были несправедливыми, недостаточными причинами»²⁴.

Таким образом, ни одно из предложенных объяснений не может служить достаточным основанием для войны, если мы посмотрим с римской точки зрения. Даже поведение парфян в армянском вопросе, хотя и нарушало договорённости, существующие между империями, давало возможность мирного выхода из ситуации, стоило только Траяну принять «моральную компенсацию» – дары от Хозроя и, в соответствии с его просьбой, утвердить на престоле Партамазириса. Тем не менее, он этого не сделал. В чем же причина такой неуступчивости?

Как мне кажется, здесь следует обратить внимание на давно известное свидетельство Плиния Младшего о переговорах парфян с дакийцами. В письме императору Плиний сообщает: «Апулей, владыка, солдат из Никомедийского поста, написал мне, что некий Каллидром, которого пытались задержать хлебники Максим и Дионисий, как нанявшегося к ним на работу, кинулся к твоей статуе, а когда его привели к магистратам, показал, что он был когда-то рабом у Лаберия Максима, захвачен был в Мезии Сусагом в плен и отправлен Децебалом в подарок парфянскому царю Пакору, много лет находился у него на службе, а затем бежал и очутился в Никомедии. Его привели ко мне, и когда он рассказал то же самое, я решил отправить его к тебе, но несколько задержался, разыскивая гемму с изображением Пакора во всем убранстве, которую, по словам Каллидрома, у него украли. Я хотел, если бы она нашлась, послать ее вместе с ним, как я послал кусочек металла, который он, говорит, унес из парфянских рудников» (Plin. Ep. X.74).

Об этом эпизоде часто упоминают²⁵, но он еще не нашел своего места в ряду тех событий, которые предшествовали войне. Между тем он достаточно важен. Во-первых, несомненно, что Каллидром прибыл к Пакору не один, а, видимо, в составе посольства, отправленного в ходе второй дакийской войны. Цели и итоги этого по-

²⁴ *Mattern-Parkes S.P.* The defeat of Crassus and the just War // *Classical World*. 2003. Vol. 96. No. 4. P. 395.

²⁵ См., напр.: *Merivale Ch.* A History of the Romans under the Empire. L., 1982. Vol. 7. P. 372; *Schiller H.* Geschichte der römischen Kaiserzeit. Gotha, 1883. Bd. 1. S. 555; *Rawlinson G.* The Story... P. 389; *Duruy V.* Op. cit. P. 293.

сольства неизвестны, как и то, от кого исходила инициатива²⁶. Возможно, оно имело определённый результат – Н. Дибвойз считает, что закованные в броню всадники, изображенные на колонне Траяна, могут быть не сарматами, а парфянами²⁷. Но в любом случае сам факт такого посольства не мог не поставить парфянского царя в положение виноватого, которому следует отомстить за такое вопиющее нарушение верности. Здесь следует подчеркнуть, что тремя столетиями раньше аналогичные переговоры Филиппа V, царя Македонии, с Ганнибалом привели к началу первой Македонской войны – римляне объявили её, несмотря на то, что годом раньше потерпели жесточайшее поражение при Каннах и война в то время складывалась для них отнюдь не блестяще. Самое главное при этом, пожалуй, то, что напоминание о вероломном поведении македонского царя было одним из мотивов, по которым в дальнейшем римляне вступили во вторую войну с Филиппом – вина за союз с карфагенянами продолжала на нем оставаться²⁸, и Рим был удовлетворен только сокрушив окончательно мощь македонской монархии.

Как кажется, мы можем представить себе такую последовательность событий. Переговоры Децебала и Пакора остались не замечены римлянами во время их ведения, либо же у римлян не было твердых доказательств того, что они велись. Ситуация изменилась после появления Каллидрома. Обращает на себя внимание то, что его показания совпадают по времени с началом римских военных приготовлений. Свидетельством того, какая важность придавалась всему делу, была отправка этого авантюриста в Рим, к императору – явно, слишком высокая честь, если бы это дело было рядовым происшествием. Как знать – может быть, именно Каллидром и его рассказ (кстати, наличие у него геммы с изображением Пакора может быть свидетельством его отнюдь не рядового положения при царе) послужили тем детонатором, который окончательно определил направление новых военных усилий «лучшего принцепса» и сделал мир между ним и Хозроем невозможным?

²⁶ Так, А.Г. Бокщанин писал, что «парфянам удалось установить сношения с Децебалом», что предполагает инициативу с их стороны (*Бокщанин А.Г.* Указ. соч. С. 224). Естественно, это допущение является произвольным.

²⁷ *Дибвойз Н.К.* Политическая история Парфии. СПб., 2008. С. 186.

²⁸ С. Мэттерн-Паркс подчеркивает, что война в отместку за что-либо была в глазах римлян безусловно справедлива (*Mattern-Parkes S.P.* Op. cit. P. 395).

УЛЯМАЕВ Т.Р. (САРАТОВ)

АЛЕКСАНДР СЕВЕР И АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ: ЛИТЕРАТУРНАЯ ФИКЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В апреле 224 г.¹ на равнине Ормиздаган Ардашир из рода Сасана, выходец из Парса (Персида), в генеральном сражении одержал победу над парфянским войском во главе с царём Артабаном V. Через два года, в 226 г., происходит захват персами Ктесифона и торжественное вступление Ардашира на престол. Эти события ознаменовали собой приход к власти в Персии новой династии Сасанидов (224–651 гг.)². Уже её первый правитель Ардашир I (226–242), по свидетельству Геродиана, заявлял, что «ему подобает восстановить для персов целиком всю державу, которой они владели», «со времени Кира, который первым перенёс власть от мидян к персам, вплоть до Дария, последнего персидского царя» (Herod. VI.2.2).

Практически одновременно с этими событиями, в 222 г., в Риме воины убили Антонина Гелиогабала (218–222) и провозгласили новым императором 16-летнего Александра (222–235)³, представителя боковой сирийской ветви римского императорского рода Северов.

Таким образом, получается ряд интереснейших исторических аналогий. На политической карте Востока снова появляется название Персия, причём эта Персия – мощное централизованное государство, правители которого сразу начинают демонстрировать имперско-ахеменидские амбиции и на протяжении почти четырех столетий ведут активную борьбу с Римом и его наследницей – Византией. Одновременно с этим на Западе появляется юный император, носящий роковое для Ахеменидов имя Александр. Этот «новый Александр», вдобавок ко всему прочему, является правителем государства, которое на протяжении трёх веков выступало как главный геополитический противник аршакидской Парфии, преемницей которой была Сасанидская Персия.

---

¹ Все даты в статье нашей эры.

² О происхождении Сасанидов и захвате ими власти см.: *Frye R.N. The Political History of Iran under the Sasanians // The Cambridge History of Iran. Cambr., 1983. Vol. 3. Pt. 1. P. 116–124.*

³ Новый император родился 1 октября 205 г., а власть получил 13 марта 222 г. См.: *Bengtson H. Grundriss der römischen Geschichte mit Quellenkunde. Republik und Kaiserzeit bis 284 v. Chr. München, 1982. S. 397.*

Была ли в ходу эта идея у римских историков, современников событий и действительно ли существовало в Риме в 20-е – 30-е годы III в. подражание Александру Великому со стороны императора? Или же эта традиция появилась у более поздних авторов? А если это так, то чем эта традиция была вызвана? Рассмотрим внимательнее данные источников. Сразу же следует оговориться, что если для Каракаллы, например, подражание Александру засвидетельствовано всеми основными письменными источниками⁴, то для Александра Севера об этом говорит только один источник, да и тот не очень достоверный – сборник императорских биографий «*Scriptores Historiae Augustae*»⁵.

По мнению Элия Лампридия, под именем которого дошла до нас биография Александра Севера, этот император часто сравнивался современниками с Александром Великим, да и сам всячески почитал Македонца и подражал ему. Лампридий приводит ряд подробностей, связанных с рождением императора. Согласно его рассказу, «он получил имя Александра потому, что родился в храме, посвящённом Александру Великому в городе Арке, так как случилось, что отец его вместе с женой пришли сюда в день праздника Александра для выполнения религиозных обрядов» (SHA. Alex. V.2). Кроме того, «день рождения этого Александра, сына Мамеи, приходится на тот день, когда умер тот Великий Александр» (SHA. Alex. V.2). Эти сведения Лампридий считает знамениями ожидавшей Александра Севера императорской власти (SHA. Alex. XIII.1).

Затем Лампридий сообщает, что кормилицу Александра Севера звали Олимпиадой (SHA. Alex. XIII.3) и что якобы «случайно получилось», что дядькой его был крестьянин по имени Филипп (SHA. Alex. XIII.4). Как известно, Олимпиадой звали мать Александра Македонского, а Филиппом – его отца, Филиппа II Македонского. Лампридий приводит и интересное знамение (SHA. Alex. XIII.7) – «лавр, выросший в доме рядом с персиковым деревом, в течение одного года перерос персиковое дерево»; в силу этого Александр Север определяется как будущий победитель персов.

Однако эта «мифология происхождения» рушится сразу же, если ее сопоставить с другими источниками. Согласно рассказу Геро-

⁴ Dio Cass. LXXVIII.7.1–3; 8.1; 9.1; Herod. IV.8.1–2; 6–9; SHA. Carac. 2.1–2.

⁵ О характере этого сборника и проблеме его достоверности см.: *Штаерман Е.М. Scriptores Historiae Augustae как исторический источник // ВДИ. 1957. № 1. С. 233–245.*

диана первоначальное имя будущего императора было Алексиан (Herod. V.7.3)⁶. Имя Александр он получил не при рождении, а после того, как Гелиогабал объявил его цезарем по совету своей матери Месы (Herod. V.7.1). Неверно указан и день рождения будущего императора: он родился 1 октября (CIL I² 255, 274), а Александр Македонский умер, как известно, 13 июня 323 г. до н.э.

Естественно, что Геродиан ничего не знает о якобы «случайном» совпадении имён и о чудесном знамении с лавром и персиковым деревом, что, при существовании подобных рассказов уже в то время, было бы довольно странно, учитывая его ориентацию в первую очередь не на книжную, а на устную традицию⁷. Таким образом, все приводимые Лампридием подробности являются фикцией, причем, скорее всего, позднего происхождения, если только они не были измышлены им самим. Как справедливо отмечает современный исследователь, всё написанное Лампридием жизнеописание является замечательным образцом того, как легенда об Александре могла переноситься на других персонажей⁸.

Однако легенды, связанные с происхождением и обстоятельствами рождения – это только одна сторона вопроса. Другая, более важная, – это то, повлиял ли образ Александра Великого на политическое поведение Александра Севера? Здесь мы снова сталкиваемся с маловероятными, а то и совершенно невероятными, сообщениями. Элий Лампридий повествует, что при вступлении на престол Александр Север отказался «и от имени Великого, которое было ему предложено по решению сената, словно новому Александру Македонскому» (SHA. Alex. V.5). Сам по себе этот факт возможно и не выдуман, однако, споря с сенатом, отказываясь от титулов Антонин и Великий, Александр размышляет слишком долго, взросло, рассудительно, учитывая тот факт, что ему было всего 16 лет! Кроме того, определение «Великий» никогда не входило в титулатуру Александра Македонского и вообще не употреблялось по

⁶ Согласно Диону Кассию, его звали Бассиан (Dio Cass. LXXX.30). О полном имени Александра см.: *Groebe. Aurelius (221)* // RE. 1896. Hbd. 4. Sp. 2526–2527.

⁷ О методах работы Геродиана с его материалом см.: *Доватур А.И.* Историк Геродиан // Геродиан. История императорской власти после Марка. М., 1996. С. 153, 156, 160–161.

⁸ *Nadell J.B.* Alexander and the Romans. Ann Arbor, 1959. P. 117.

отношению к нему греческими писателями, именовавшими его либо просто «Александр», либо «Александр, сын Филиппа»⁹.

Еще одну подробность проверить довольно легко. Александр Север, рассказывает его биограф, «выбил много монет с изображением Александра» (SHA. Alex. XXV.9). Теоретически Александр мог быть изображен на монетах его тезки, либо самому императору могли придать черты великого македонянина. Однако здесь мы натываемся на то, что данными нумизматики утверждение не подкрепляется: у нас нет ни одной подобной монеты¹⁰! В данном случае Александру Северу пришлось бы опираться на эллинистическую традицию, в рамках которой сложился возвышенно-романтический портрет Александра, чертами которого (но с сохранением их личных портретных особенностей!) наделялись монархи¹¹. Явление это достаточно хорошо известно и изучено, но Риму оно, судя по всему, оставалось чуждым как до Александра Севера, так и после него.

Несомненно, Лампридий ищет черты сходства с Александром Великим и в военной деятельности Александра Севера. Так, римский император якобы создал себе отряд среброщитников и золотощитников, а также фалангу из тридцати тысяч воинов-фалангариев, «и с ними очень успешно действовал в персидской земле» (SHA. Alex. L.5). И вновь: у Геродиана, чье изложение событий военной истории гораздо подробнее и систематичнее, мы ничего не находим об этой фаланге, хотя сама по себе эта информация может оказаться как ложной, так и истинной. Здесь стоит вспомнить «фалангу Александра Великого», которую создал Нерон, готовя свой восточный поход (Suet. Nero. 19.2) – может быть, именно этот факт лежит в основе сообщения биографа?

⁹ Michel D. Alexander als Vorbild für Pompeius, Caesar und Marcus Antonius. Archäologische Untersuchungen. Bruxelles, 1967. S. 35.

¹⁰ См.: Mattingly H., Sydenham E.A., Sutherland C.H.V. The Roman Imperial Coinage. L., 1938. Vol. 4. Pt. 2. P. 62–69 (общая характеристика монетной чеканки Александра Севера). Далее (P. 70–122) приводятся описания всех известных монет Севера, но ни об одной из них нельзя с уверенностью сказать, что она отсылает к образу македонского завоевателя. Правда, образ Александра сохранился в провинциальной македонской чеканке (см. обзор относящегося сюда материала: Dahmen K. The Legend of Alexander the Great on Greek and Roman Coins. L.; N.Y., 2007. P. 136–141), но говорить здесь о каком-либо «подражании» вряд ли приходится.

¹¹ См., напр., обстоятельное исследование К. Бом: Bohm C. Imitatio Alexandri im Hellenismus. Untersuchungen zum politische Nachwirker Alexanders des Grossen in hoch- und spathellenistischen Monarchien. München, 1989.

Однако между действиями Александра Великого (и Нерона, который, независимо от его конкретных планов, готовил наступательную войну) и действиями Александра Севера есть принципиальная разница, которую Лампридий совершенно сглаживает. Описывая кампанию 231–233 гг. против персов, он говорит только о победе Александра и бегстве персидского царя (SHA. Alex. LV.1,2), Геродиан же подробно описывает ход военных действий, упоминая заодно и о том, что Александр два раза пытался разрешить конфликт с персами мирным путём (Herod. VI.2.3–4; 4.4). Это находится в разительном противоречии с поведением Александра Великого, который, как известно, отверг все попытки Дария добиться мирного урегулирования, считая этот путь недостойным своего величия (Diod. XVII.39.1; 54.1; Curt. IV.1.7 sq.; Just. XI.12.1; Arr. II.14.4 sq).

Что касается исхода кампании, то, по словам Геродиана, он был отнюдь не блестящим: «...При почти одинаковом с обеих сторон числе павших воинов представляется всё же, что оставшиеся в живых варвары одержали победу благодаря превосходству в числе, а не своей мощью» (Herod. VI.6.6).

Лампридий пишет о том, что некоторые авторы (из них по имени он называет только Геродиана) пишут о поражении Александра Севера, но «это сообщение противоречит мнению многих» (SHA. Alex. LVII.2–3). Обращает на себя внимание то, что из оппонентов Лампридия назван по имени хотя бы Геродиан, а вот доказывает он свою правоту ссылаясь на каких-то «многих», из которых не назван никто. Если учесть к тому же, что герой биографии ведет себя не как реальный политик III в., а подобно Александру из уже сложившейся к тому времени литературно-исторической традиции, напрашивается вывод: победа Александра Севера над персами – это домысел, связанный опять-таки с желанием подчеркнуть сходство двух Александров.

Развивая аналогию с войной Александра Великого против Ахеменидов, Лампридий применяет и откровенную выдумку. Он говорит об использовании персами серпоносных колесниц (SHA. Alex. LV.2) – но дело в том, что на вооружении у персидской армии эпо-

хи Сасанидов этих колесниц не было!¹² В свете этого довольно забавно выглядит изложение доклада Александра Севера сенату, в котором тот говорит, что колесницы были захвачены, но привезти их в Рим он посчитал излишним, «так как это было легко подстроить» (SHA. Alex. LVI.4). Интересно, что, по словам Лампридия, сенат, чувствуя Александра за победу над персами, именует его «величайший Персидский» (*maximus Persicus*), «подлинно Парфянский» (*vere Parthicus*), «подлинно Персидский» (*vere Persicus*) (SHA. Alex. LVI.9). Безусловно, это не были официальные титулы, которые поднесли Александру; более того, весьма вероятно, что и вся эта сцена просто вымышлена автором. Тем не менее, в ней есть любопытная деталь: римляне тогда ещё рассматривали военные действия 231–233 гг. против Сасанидов в контексте римско-парфянских войн, не разделяя пока ещё чётко парфян и персов.

Таким образом, напрашивается вывод, что в III в. в Риме никакой мысли о «новом Александре», вступившем в борьбу с персами, не было; идея о «Новом Александре», о подражании Александра Севера Александру Великому, о борьбе Александра Севера с Сасанидской Персией как продолжении борьбы Александра Великого с Ахеменидской державой – всё это не современное событиям идеологическое обрамление, а продукт более позднего времени и чисто литературной переработки исторического материала. Скорее всего, в дальнейшем, вследствие тяжёлой борьбы Рима с Сасанидским Ираном, первые военные столкновения вписываются в новый политический контекст и появляются эти многочисленные, отчасти выдуманные, а отчасти достоверные сопоставления юного римского императора с македонским завоевателем.

Однако при всей надуманности аналогий и отсутствии за ними реального политического содержания, в произведении Лампридия содержится очень интересная информация несколько иного плана, отражающая историческую реальность и касающаяся отношения к образу македонского завоевателя в Риме. Несмотря на то, что в политике это не проявлялось, личный интерес Севера к Александру тем более вероятен, что сам он был уроженцем восточной полови-

---

¹² См. характеристику армии Сасанидов: *Nicolle D. Sassanian armies. The Iranian Empire early 3rd to mid – 7th centuries AD.* Stockport, 1996.

ны Империи¹³, для эллинизированного населения которой Александр оставался воплощением доблести. Но столь же вероятно и то, что этот интерес не встречал понимания в столице, поскольку для природных римлян Александр во многом олицетворял темные стороны единоличного правления. В силу этого, по словам Лампридия, Александра Севера «порицали... за то, что он... хотел казаться Александром Великим» (SHA. Alex. L.5). В чем конкретно выражалось это желание – неизвестно, но «он охотно слушал, если кто-либо произносил похвальное слово в честь Александра Великого» (SHA. Alex. XXXV.1), «председательствовал на Геркулесовом состязании в честь Александра Великого» (SHA. Alex. XXXV.1). Наверное, самое интересное здесь следующее замечание: «Он старался казаться достойным своего великого имени и – мало того – превзойти великого македонянина. Он говорил, что должна быть большая разница между римским Александром и македонским» (SHA. Alex. L.4). В свете того, что было сказано выше о военных достижениях Александра Севера, все это утверждение выглядит очень сомнительным. Превзойти великого завоевателя можно было только на полях сражений, к чему молодой император явно не стремился. Однако Лампридий выступает здесь как наследник очень давней римской традиции, восходящей еще ко временам классической республики¹⁴.

Как видно из сочинения Лампридия, за прошедшие века изменилось немного. Прежде всего, во всех указанных местах Лампридий говорит не столько о том, что было, сколько о том, как могло казаться окружающим, как они воспринимали поступки императора. Вполне возможно, что Север охотно слушал похвальные речи в честь Александра – но усмотреть в этом стремление казаться на него похожим мог только предвзятый взгляд. Таким образом, сравнения императора с Александром Великим, видимо, если и были, то были вызваны некоторой нелюбовью или, по крайней мере, настороженным отношением к нему. Это – те слухи и сопоставления, которые существовали независимо от желания и воли императора.

¹³ По мнению современного исследователя, сам этот факт был симптоматичен с точки зрения возрастания в III в. даже не эллинизма, а ориентализма (*Nadell J.B. Op. cit. P. 122*).

¹⁴ См. об этом: *Смыков Е.В. Александр Великий и римская политическая идеология // Античное общество-IV: Власть и общество в античности. Материалы конференции антиковедов 5–7 марта 2001 г. СПб., 2001. С. 73–78.*

Наконец, во всех этих толках и пересудах, несомненно, нашло свое отражение специфическое римское отношение к образу Александра Македонского, которое на протяжении веков оставалось главным образом негативным. Римляне, естественно, относились к нему с интересом и удивлением перед его талантами, о чем свидетельствует само прозвище «Великий», которое дали ему именно они. Но при этом он оставался представителем совершенно чуждой, даже враждебной, Риму политической традиции. В условиях III в., когда произвол и деспотизм императоров стал грустной повседневностью «Вечного города», сопоставление с македонским деспотом могло приобрести новую политическую злободневность.

КАРГАЛЬЦЕВ А.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

ЕВРЕЙСКАЯ ОБЩИНА РИМСКОЙ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

Христианство как религиозное течение появилось в качестве ответвления иудаизма. Проповедь Христа была напрямую связана с иудейской традицией и звучала на территории еврейского государства. В появлении нового религиозного течения внутри иудаизма не было ничего необычного (Acta Apost. 5.36), но, в отличие от политеистического Рима, иудеи, в особенности служители иерусалимского храма, ревниво следившие за чистотой своего вероучения, враждебно воспринимали любые отступления от него. К тому же ожидание мессии было связано с политическими чаяниями еврейского народа. Раздражение, вызванное как римским господством, так и периодическими религиозными притеснениями, привело к тому, что вопрос о царе, который должен создать «новый Израиль», стоял в то время очень остро. На тот момент в иудейском обществе социальная база населения, среди которого проповедь апостолов имела успех, была незначительной. Хотя «Книга деяний святых апостолов» сообщает нам о нескольких сотнях крестившихся, спокойствие иудейской элиты после распятия Христа указывает на то, что движение не получило массовой поддержки народа.

Проповедь ап. Павла имела гораздо больший успех среди иудеев диаспоры. В середине I в. еврейские общины существовали во многих крупных городах Средиземноморья, и их члены составляли значительную часть населения Рима и Александрии. Менее тесно связанные с иерусалимским храмом, а, следовательно, более открытые к контактам с населением римских городов, они оказывали значительное культурное и религиозное воздействие. Вокруг иудеев сформировалась целая группа поклонников их религии, которые в силу определённых обстоятельств не могли в полной мере принять иудаизм¹. Были или не были они «боящимися бога» не столь важно, но очевидно, что, живя в тесном контакте с большими группами евреев, многие местные жители были знакомы с иудейским вероучением. Это была единственная социальная среда, в которой христианская проповедь могла иметь успех. И единственным апо-

---

¹ Левинская И.А. Деяния Апостолов на фоне еврейской диаспоры. СПб., 2000. С. 94–230; Kraabel A.T. The Disappearance of the «God-Fearers» // Numen. 1981. Vol. 28. No. 2. P. 113–126.

столом, понимавшим это, был, пожалуй, апостол Павел. Выход христианского вероучения за пределы Палестины был решающим фактором в его распространении.

Цель данной работы - рассмотреть положение иудейской диаспоры Северной Африки ко времени появления там христианства. Современная историография очень осторожно оценивает возможность существования крупной еврейской общины в конце II века в Карфагене и других крупных африканских городах, о котором, в первую очередь, свидетельствуют археологические и эпиграфические источники. Так, Я. Ле Боэк, исследовавший порядка 50 тыс. африканских надписей, смог интерпретировать около сотни из них как еврейские, при этом большую часть датировав временем после 235 г., а самую раннюю надпись - II веком².

Значительный археологический материал был получен в результате открытия в конце XIX в. крупнейшего в Северной Африке еврейского кладбища в Гамарте, городе, расположенном в нескольких километрах севернее Карфагена. Этот некрополь насчитывал около полутора тысяч захоронений в виде локул. А.-Л. Делаттре датировал большинство захоронений III в.³ Впоследствии П. Феррон обнаружил в Гамарте ещё несколько катакомб, среди украшений которых встречались характерные еврейские символы: семисвечник, шофар, лулав и этрог⁴. Размеры этого кладбища дают основание полагать, что евреи составляли значительную часть населения в небольшом городе. Очевидно также, что Гамарт был местом компактного проживания евреев вблизи Карфагена (хотя, конечно, численность евреев несравнима с населением еврейских кварталов Александрии).

² *Setzer C.* The Jews in Carthage and Western North Africa, 66–235 CE // *The Cambridge History of Judaism. Vol. 4: The Late Roman-Rabbinic Period.* N.Y., 2006. P. 68 ff. По теме см. также: *Le Boeck Y.* Inscriptions juives et judaïsantes de l'Afrique romaine // *AntAfr.* 1981. Vol. 17. P. 165–207; *idem.* Juifs et judaïsants dans l'Afrique romaine. Remarques onomastiques // *AntAfr.* 1981. Vol. 17. P. 209–229; *idem.* Les sources archéologiques du judaïsme africain sous l'Empire romain // *Juifs et judaïsme en Afrique du Nord dans l'Antiquité et le Haut Moyen-Age.* Montpellier. 1985. P. 13–47.

³ *Delattre A.-L.* La Nécropole juive de Carthage. Lyon, 1895. Отчёт экспедиции А.-Л. Делаттре - это единственный документ, содержащий подробную топографию местности и планы раскопов. В настоящее время территория кладбища частично застроена. См.: *Goodenough E.R.* Jewish Symbols in the Greco-Roman Period. N.Y., 1953. P. 63–68.

⁴ *Ferron P.J.* Epigraphie juive // *Cahiers de Byrsa.* 1951. Vol. 1. P. 175–206; *idem.* Epigraphie juive // *Cahiers de Byrsa.* 1956. Vol. 6. P. 105–117.

В рамках нашего исследования следует обратить внимание на ещё одно важное обстоятельство. Среди обнаруженных надписей две А.-Л. Делаттре интерпретирует как христианские. В одной упоминается популярный в Африке св. Стефан, а вторая содержит обращение к некой женщине как св. Деве⁵. Эти надписи позволили сначала П. Монсо, а вслед за ним и целой плеяде исследователей, говорить, во-первых, о мирных взаимоотношениях иудеев и христиан, во-вторых, об их соседском проживании в африканских городах, и о появлении христианства в рамках местной иудейской общины⁶. Однако, как показывают современные исследования, данные эпиграфические свидетельства являются весьма ненадёжными. Так, ставятся под сомнение реконструкция первой надписи и интерпретация второй⁷.

Надписи содержат ряд важных хронологических уточнений, в частности, указывают на полученное евреями в 212 г. гражданство. Ряд надгробий содержит известные языческие погребальные формулы DM (*Dis Manibus*) и DMS (*Dis Manibus Sacrum*), в попытках интерпретации которых Л.В. Рутгерс пришёл к выводу о вторичном использовании камней с погребальными надписями, которые в этом случае теряли своё первоначальное значение. Кроме того, он показал, что нигде в другом месте в еврейской диаспоре подобные надписи не встречаются, а евреи и язычники пользовались одними и теми же мастерскими⁸. Таким образом, мы видим, с одной стороны, уверенное стремление африканских евреев к ассимиляции, с другой, чёткие проявления самоидентичности, что, в случае сравнительно недавнего их появления в Карфагене и окрестных городах, вполне вероятно⁹. К этому можно добавить сравнительно бедный характер захоронений – лишь в нескольких из них были обнаружены мраморные плиты, в большинстве же они изготовлены из песчаника, покрытого краской.

⁵ *Le Bohec Y.* Inscriptions juives... P. 34, 46.

⁶ *Monceaux P.* Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne depuis les origines jusqu'à l'invasion arabe. P., 1901. Vol. 1. P. 9. Её идея нашла поддержку в работах последующих исследователей: *Labriolle P. de.* History and Literature of Christianity from Tertullian to Boethius. L., 1924; *Simon M.* Le judaïsme berbère dans l'Afrique ancienne // RHPH. 1946. Vol. 26. P. 1–31, 105–145.

⁷ *Setzer C.* The Jews in Carthage... P. 69.

⁸ *Rutgers L.V.* The Hidden Heritage of Diaspora Judaism. Essays on Jewish Cultural Identity in the Roman World. Leuven, 1998. P. 269–272.

⁹ *Barclay J.M.* Jews in the Mediterranean Diaspora: From Alexander to Trajan (312 BCE – 117 CE). Edinburgh, 1996. P. 320–335.

До нашего времени в Северной Африке сохранились развалины крупной синагоги в Наро¹⁰. Однако мы располагаем свидетельствами Тертуллиана, где в частности он называет иудеев Наро «источниками гонений» (Tert. Scorpi. 10.10). Кроме того, в трёх погребальных надписях III в. упоминается *pater synagogae* или *archisynagogos*, что также указывает на существование синагог¹¹. Таким образом, можно согласиться с выводами Я. Ле Боэка, что гипотеза о существовании иудейских общин в Северной Африке до II в. не поддерживается материальными источниками. Однако речь в данном случае идёт только о ряде старых городов преимущественно прибрежной полосы.

В литературных свидетельствах о евреях в Северной Африке содержатся поздние упоминания об известных карфагенских равнинах¹². Обширные сведения об иудеях содержатся в трудах Тертуллиана. Среди аргументов в пользу его непосредственного знакомства с иудеями можно отметить упоминания их обычаев, которые неизвестны из Библии. Например, он пишет, что «Израиль Иудейский омывается ежедневно, ибо ежедневно оскверняется» (Tert. De bapt. 15). Кроме того, апологет ссылается на споры между иудеями и христианами о Христе как мессии (Tert. Apol. 21.15), его бесславной смерти (Tert. Adv. Jud. 10) и его воскресении (Tert. Apol. 21.15); эти споры вполне могли иметь место в Карфагене, поскольку в то время шли и в других христианских общинах¹³. Тертуллиану принадлежит специальное произведение «Против иудеев», вдохновлённое, как полагают, его спорами с реальными еврейскими оппонентами¹⁴. Также он прямо указывает, что иудеи преследуют христиан, и, как уже упоминалось ранее, называет синагогу источником гонений (Tert. Scorpi. 10.10). Однако там, где Тертуллиан обращается к примерам его собственного времени, он неточен. В сочинении «О бегстве во время гонений», касаясь мучеников Смирны и их африканских товарищей по несчастью, он говорит, что христиане не подвергаются нападкам от иудеев (Tert. De

¹⁰ Sebag P. Histoire des Juifs de Tunisie: des origines à nos jours. P., 1991. P. 27.

¹¹ Найдены в городах Сетиф, Черчел и Волюбилис (см.: Le Bohec Y. Inscriptions juives... P. 19, 23, 79).

¹² Setzer C. The Jews in Carthage... P. 70.

¹³ Idem. "You Invent a Christ!" Christological Claims as Points of Jewish-Christian Dispute // USQR. 1991. Vol. 44. P. 315–328.

¹⁴ Horbury W. Tertullian on the Jews in the Light of De Spectaculis XXX. 5–6 // JThS. 1972. Vol. 23. No. 2. P. 455–459.

Fug. 6.2). К тому же Тертуллиан активно использует сюжеты из «Ветхого завета» в полемике с язычниками, в то время как далеко не все в церкви в то время положительно относились к ветхозаветному наследию. Таким образом, можно скорее согласиться с теми авторами, которые указывают на поверхностное знакомство Тертуллиана с иудеями¹⁵. В его трудах нет даже указаний, подобных тем, которые мы имеем в случае с Оригеном, Иеронимом или более поздним их соотечественником Августином, на совместную работу с раввинами над текстами «Ветхого завета» или на реально подтверждённые богословские споры.

В трудах следующего крупного христианского писателя и епископа Киприана мы не встречаем какой-либо прямой полемики с иудеями. Сразу заметим, что принадлежность Киприану антииудейских сочинений «К Квирину» поставлена под сомнение; но, даже независимо от того или иного решения вопроса об авторстве, данные труды лишены полемического напора, столь характерного для Тертуллиана. По сути, это сборники ветхозаветных цитат, составленные, по всей видимости, с целью показать единство Священного писания. В единственном послании, где Киприан прямо говорит об иудеях, он упоминает их в числе язычников, еретиков и вообще всех противников церкви (Сург. Ер. 59.2). Молчание Киприана особенно примечательно, если учесть то почтение, с которым он относился к Тертуллиану, и его несомненное знакомство с трактатом «Против иудеев». Можно предположить, что в период гонений Деция и последующей борьбы с отступниками внутри церкви проблема борьбы с иудеями отошла для карфагенского епископа на второй план; но также справедливо и то, что в случае реальных конфликтов между христианами и евреями, Киприан, несомненно, оставил бы какие-либо замечания об этом, учитывая ту обстоятельность, с которой он, подобно дневниковым записям, составлял свои послания. Приведённые археологические свидетельства показывают, что в середине III в. иудейская община в Северной Африке уже существовала, однако и в данном случае о каких-то контактах с христианами говорить преждевременно.

Произведение следующего крупного христианского писателя Северной Африки Арнобия «Семь книг против язычников» также

---

¹⁵ *Frend W.H.C. Martyrdom and Persecution in the Early Church: A Study of a Conflict. Oxf., 1981. P. 334–335; Aziza C. Tertullien et le Judaisme. Nice, 1977.*

указывает на слабое знакомство христиан с иудеями. Не касаясь подробно весьма поверхностного знакомства апологета со Священным писанием, заметим, что Арнобий единственный раз упоминает книги «Ветхого завета», называя их *Judaeorum litterae* (Arn. Adv. nat. III.12); он относится к ним с явным недоверием, не считая их источниками христианской веры. Апологет пишет об этом так: «Пусть никто не противопоставляет нам иудейские и саддукейские басни, как будто бы также и мы приписываем формы Богу, ибо думают, что так говорится в их писаниях и что утверждают это, как факт несомненный и удостоверенный» (Arn. Adv. nat. III.12). Примечательно в данном случае явное незнание Арнобия с религиозными взглядами иудаизма, притом что апология написана в самом начале IV в., когда можно уверенно говорить о существовании иудейской общины в Карфагене.

О влиянии евреев на богословскую мысль Африки можно в действительности говорить лишь спустя столетие, ко времени Августина. Итак, оставив за рамками Минуция Феликса и Лактанция, в этой работе мы намеренно коснулись трудов лишь тех христианских авторов, про которых известно, что они были уроженцами Северной Африки и большую часть жизни провели на родине и, следовательно, наиболее достоверно отразили в своих трудах реальную картину отношений евреев и христиан. Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что евреи появились в Африке сравнительно поздно, они были немногочисленны и не играли в культурной и религиозной жизни региона значительной роли.

Необходимость поиска социальной базы ранней африканской церкви позволяет нам обратиться к близкой к иудейской религиозной среде берберских племён, населявших предгорья Атласа. Обращает на себя внимание тот факт, что среди христиан пострадавших в ходе преследований в Медавре, имена троих - *Miggin*, *Lucitas*, *Sanae*, - очевидно, принадлежат представителям местного берберского населения¹⁶. В «Актах мучеников Скилии» также содержатся два специфических африканских имени - *Nartzalus* и *Cittinus*¹⁷. Обстоятельства казни скилианских мучеников в то же время указыва-

¹⁶ Данные имена содержатся в многочисленных надписях из Нумидии: *Frend W.H.C. Martyrdom and Persecution... P. 339.*

¹⁷ *Barnes T.D. Tertullian. A historical and literary Study. Oxf., 1971. P. 63.*

ют на наличие личной свободы или даже римского гражданства у осуждённых¹⁸.

Появление представителей коренного населения Северной Африки среди первых христиан, возможно, свидетельствует о существовании близкой к христианской религиозной традиции, которая обеспечила успех проповеди. Так, по мнению Ж. Сервье, некоторые берберские племена имели семитские корни и первоначально занимали территорию Киренаики на границе с Египтом, откуда впоследствии распространились по всему северу Африки до Марокко¹⁹. На их семитское происхождение указывает язык, близкий к хананейскому, посуда схожая с ближневосточной, а также выделение в социальной структуре отдельных священнических семей. А. Шураки полагал, что берберские племена сохранили в употреблении язык, близкий к древнееврейскому²⁰. При этом в отношении берберов можно лишь условно говорить о каком-либо еврейском влиянии. Вероятно, двигаясь на запад вдоль африканского побережья, они оказали глубокое культурное влияние на местное автохтонное население и смешались с ним²¹. В период, когда в Палестине получил распространение арамейский язык, Африка стала удобным прибежищем для еврейских переселенцев, хотя финикийская колонизация и политика Карфагенской державы препятствовали активным контактам евреев и берберов²². При этом, поясняет Ст. Гзелль, среди местного населения значительное распространение получили финикийский язык и обычаи²³. Но А. Шураки отмечает, что небольшое количество сохранившихся пунийских документов, на которые ссылается Ст. Гзелль, обнаружено на Мальте, Сицилии и Сардинии и напрямую не касается населения Африки²⁴. Пунийский язык, безусловно, господствовал в прибрежной, наиболее освоенной карфагенянами, полосе, на что, в частности, указывает Августин, говоря о необходимости пропо-

¹⁸ Сергеева Е.В. Первые христианские общины в Северной Африке // Мнемон. 2007. Вып. 6. С. 426.

¹⁹ Servier J. Les Berbères. P., 2003. P. 70.

²⁰ Chouraqui A. Histoire des Juifs en Afrique du Nord. P., 1985. P. 49–50.

²¹ Simon M. Op. cit. P. 131.

²² Chouraqui A. Op. cit. P. 49 sq.

²³ Gsell S. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. P., 1979. T. 1. P. 341. Note 3.

²⁴ Chouraqui A. Op. cit. P. 50.

ведовать на нём местному населению, однако, в более удалённых областях распространение его было меньшим²⁵.

В историографии идёт оживлённая дискуссия относительно возможного его распространения среди некоторых берберских племён. Г. Хиршберг указывает на молчание арабских источников до XII в. о существовании иудеев среди берберов, а также на отсутствие упоминания о них у еврейских писателей и в мидрашах²⁶. Первое обстоятельство можно объяснить, поскольку Ибн Халдун описывает период VII–XI вв. как время последовательной исламизации берберов. Второе, по мнению А. Шураки, обусловлено необходимостью приспособлять нормы иудаизма к кочевому образу жизни берберов, что приводило к нарушению пищевых запретов, соблюдения субботы и делало их маргинальными для остального еврейского мира²⁷.

Можно связать распространение иудаизма среди некоторых берберских племён с результатами Иудейской войны (66–71 гг.). Продолжительный конфликт между римлянами и евреями в Палестине имел важные последствия для африканских провинций, выразившиеся в значительной эмиграции из разорённой войной страны. Считается, что тридцать тысяч евреев были высланы в Карфаген Титом²⁸, и большая часть повстанцев отступила в Египет и далее, в Киренаику. Согласно Иосифу Флавию, группа фанатиков под руководством Ионатана готовила восстание против римлян в Ливии, однако оно было сразу же подавлено при участии местных евреев, а Ионатан был схвачен и казнён римскими властями (Bell. Jud. 7.11). В этой связи два обстоятельства заслуживают внимания. Во-первых, очевиден произошедший раскол внутри иудейского мира. Напуганные жестокими и энергичными действиями римлян в Палестине, евреи диаспоры всеми силами пытались продемонстрировать лояльность империи. Следовательно, религиозный фанатизм и его следствие - яростная неприязнь языческих и сектантских верований, в том числе и христианства, - перестали на какое-то время быть для них актуальными.

Сопоставляя все приведённые аргументы можно сделать вывод, что Северная Африка до III в. не привлекала серьёзного внимания еврей-

²⁵ Westcott B.F. A General Survey of the History of the Canon of the New Testament during the First Four Centuries. L., 2007. P. 64.

²⁶ Hirschberg H.Z. A History of the Jews in North Africa. Leiden, 1981. Vol. 2: From the Ottoman Conquests to the Present Time. P. 35.

²⁷ Chouraqui A. Op. cit. P. 50–67.

²⁸ См.: Neubauer A. Mediaeval Jewish Chronicle. Oxf., 1887. Vol. 1. P. 190.

ских переселенцев. Возможно, сначала этому препятствовала религиозная политика Карфагенской державы. После разрушения Карфагена экономическое запустение региона и охранительная политика римских властей также мешали процессу переселения евреев, и только последующее возрождение города и депортация иудеев из Палестины привели к появлению значительной общины в Африке. При этом, по видимому, евреи не играли значительной роли ни в экономической, ни в культурной, ни в религиозной жизни этого региона. В массе своей это были бедные переселенцы, к тому же напуганные подавлениями иудейских восстаний.

Последовавшее за этим появление христиан в Африке вряд ли случайно. Многочисленный набор противоречивых свидетельств относительно проникновения иудаизма в берберскую среду не позволяет определённо говорить об успехе иудейской миссии. При этом можно допустить, что, будучи даже незначительной, она во многом способствовала распространению христианства, а берберы выступили в качестве местных «боящихся бога», которые охотно присоединялись к церкви. В этом смысле местный иудейский прозелитизм если и имел место, то проявлялся весьма пассивно, поскольку так и не привлёк внимания христианских писателей.

Об устойчивых контактах иудеев и христиан можно, по всей видимости, говорить только начиная с IV в. Недалеко от Современного Триполи располагался основанный пунийцами город Оэ (пунический *W'jt*), существовавший и в римское время, в котором жила крупная еврейская община. Из посланий Августина следует, что в числе её членов были христианские богословы (Aurel. Aug. Epist. 71.3.5). В письме к Иерониму, которого он обвинял в недостаточном знании еврейского и в отходе от текста Септуагинты, Августин записывает реакцию епископа общины Оэ на чтение латинского перевода 4 главы, 6 стиха книги Ионы. Епископ, столкнувшийся с недовольством своих слушателей, которые обвиняли Иеронима в фальсификации Писания, обещал поставить вопрос перед еврейскими книжниками Оэ, которые осудили новый перевод. В Большом Лептисе, где находилась крупная и древняя христианская община, чей баптистерий является самым старым в Африке, археологами обнаружены свидетельства существования большой еврейской колонии. В частности, одно из мест на побережье недалеко от города известно как «Ras el Yihudi» – Мыс еврея²⁹.

²⁹ Chouraqui A. Op. cit. P. 36.

ЗИБАЕВ А.В. (САРАТОВ)

ПРИЧИНЫ И ЦЕЛИ ПРИНЯТИЯ МИЛАНСКОГО ЭДИКТА

В истории найдется немного событий, которые в корне меняли бы судьбы целых цивилизаций. Одним из таких можно считать принятие в 313 г. н.э. Миланского эдикта, кардинальным образом изменившего судьбы христианства, Римской империи и всей западной цивилизации. Эдикт явился началом процесса христианизации империи, а после её гибели христианство продолжило распространяться по Европе и миру. Его авторами были императоры Константин и Лициний, чья деятельность вызывала в историографии самые противоречивые оценки. Одним из наиболее проблемных аспектов их деятельности, является законодательство, легализовавшее христианство. Несмотря на то, что эта тема неоднократно привлекала внимание зарубежных и отечественных исследователей, материал источников столь интересен и неоднозначен, что продолжение исследований не утрачивает своей актуальности.

Вопрос о причинах и целях принятия Миланского эдикта неразрывно связан с поведенческой мотивацией людей в поздней античности. Проблематика поведения людей иных эпох была с особой остротой поставлена в исторической науке XX в., прежде всего в медиевистике¹. Как известно, в «борьбе за историзм», против приписывания людям прошлого современного исследователю способ мышления появилась «новая историческая наука» во Франции – «школа Анналов», чьё становление неразрывно связано с именами М. Блока и Л. Февра. В изучении истории Средних веков их усилия, несомненно, имели успех, позволив показать неадекватность традиционного понимания и объяснения тех или иных явлений прошлого. Однако в антиковедении этот новый подход не привел к каким-либо существенным изменениям, так как очевидна близость рационализма римского мира современному Западу. Это вызывает критическое отношение к источникам позднеримского периода, прежде всего к церковным текстам, поскольку они переполнены упоминаниями знамений и указаниями на чисто религиозные цели как причины тех или иных поступков субъектов исторического процесса – и отдельных личностей, и групп людей.

---

¹ Рудоквас А.Д. Мотивация политических действий в поздней античности // Античное общество – 2. СПб., 1996 // www.centant.pu.ru.

Применительно к поздней античности, на наш взгляд, необходимо учитывать изменения, произошедшие в мировоззрении большинства жителей Римской империи в конце III – начале IV в., когда принцип *pax deorum* стал более важен, чем прежде.

О Миланском эдикте нам рассказывают христианские писатели (Евсевий Кесарийский², Сократ Схоластик³, Лактанций) – и в то же время хранят абсолютное молчание авторы языческие⁴. Упорное нежелание язычников говорить на эту тему объясняется тем, что ничего хорошего о ней они сказать не могли, а плохого говорить не хотели⁵. Евсевий Памфил, епископ Кесарийский, был склонен считать, что основной причиной принятия Миланского эдикта явилось искреннее верование, благочестие и благодарность Богу императоров Лициния и Константина (Euseb. Hist. ec. IX.11.8). Сократ Схоластик, адвокат из Константинополя, видел в мотивах императора только благодарность Богу за победу над Максенцием (Socrat Schol. Hist. ec. I.2). Другой причиной личного характера послужило убеждение императоров о веротерпимости (Euseb. Hist. ec. X.5.2). Константин и Лициний в эдикте подчеркнули и важность обеспечения благополучия и мира Римскому государству (X.5.4).

В исторической науке по этому вопросу никогда не существовало однозначного ответа. Ещё в XVIII в. английский парламентарий и историк Э. Гиббон выдвинул следующие предположения о мотивах Константина:

² О времени написания «Церковной истории» Евсевия существует обширная литература. См., напр.: *Кривушин И.В.* Рождение церковной историографии: Евсевий Кесарийский. Иваново, 1995. С. 4; *Болотов В.В.* Лекции по истории Древней церкви. Минск, 2008. Т. I–II. С. 130–131; *Казаков М.М.* Христианизация Римской империи в IV веке // <http://www.biblicalstudies.ru>; *Barnes T.* Constantine and Eusebius. Cambr., 1981. P. 126–148 и др.

³ О Сократе Схоластике и его труде подробнее см.: *Лебедев А.П.* Греческие церковные историки IV, V, VI вв. М., 1890. С. 98–164.

⁴ По мнению А.Д. Рудокваса, с конца IV в., в связи с началом политического кризиса и полномасштабных варварских вторжений, идеологи языческой аристократии в качестве виновника всех бед стали видеть христианство. Это можно объяснить попыткой устранения противоречий между новыми общественными реалиями и традиционным миропониманием римских патриотов – язычников. Зосим явился основателем «идеологического мифа» о начале крушения империи именно со времени Константина.

⁵ *Рудоквас А.Д.* Христианский император и языческая оппозиция: (Идеологический аспект культурного переворота IV в. н.э.) // Античное общество: проблемы истории и культуры. СПб., 1995 // www.centant.ru.

1) согласно философским убеждениям императора, все культы и верования объединялись в поклонении единому Божеству⁶;

2) у императора были гуманистические стремления и желание морально преобразовать общество;

3) в соответствии с политическим расчётом, Константин якобы мог обратить внимание на такое явление в христианстве, как «пассивное повиновение», то есть преклонение перед властью без всякого сопротивления⁷.

Сам автор, в конечном счёте, более склонялся ко второй версии. Позицию Э. Гиббона, сильное влияние на которого оказала философия Вольтера, можно объяснить господствующими в эпоху Просвещения идеями гуманизма.

В дальнейший период довольно широкое распространение получило суждение о чисто политических мотивах Константина. В середине XIX в. швейцарский историк Я. Буркхард, исходя из гиперкритической методологии, объяснил причину признания христианства пониманием и осознанием того, что христиане – законопослушные подданные и их можно привлечь на свою сторону прекращением гонений и признанием равноправия христианства и язычества. Константин – политик, которым движет тщеславие и стремление к достижению своих целей. Евсевий Памфил, по его мнению, не имеет право называться правдивым историком, так как его труды содержат множество искажений и домыслов⁸. Следует учитывать, что гиперкритический подход к источникам не способствует их адекватной интерпретации и, тем самым, препятствует истинному представлению об эпохе, поэтому взгляды Я. Буркхарда необходимо воспринимать с осторожностью.

Подобно Я. Буркхардту, ученые-марксисты считали принятие Миланского эдикта плодом холодного расчета, видя в этом законе желание императора, рассчитывавшего на обеспечение идеологической поддержки власти со стороны новой религии, пойти на союз с церковью⁹. Ш. Эншлен видел только отчетливое желание Кон-

---

⁶ В данном предположении английского историка нельзя не видеть влияние философского учения неоплатонизма. Подробнее об этом см.: *Лебедев А.П. Христианский мир и эллино-римская цивилизация*. СПб., 2005.

⁷ *Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи*. СПб., 2007. Т. II. С. 235.

⁸ *Буркхард Я. Век Константина Великого*. М., 2003. С. 284.

⁹ *Свенцицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории*. М., 1987. С. 175.

стантина приобрести новых сторонников своей власти¹⁰. А.Б. Ранович считал, что союз с церковью был необходим для будущего создания мировой монархии. Кроме того это позволило бы закрыть глаза на «гнусности» рабовладельческого строя¹¹.

Политические причины, несомненно, имели место в принятии Миланского эдикта. После эдикта Каракаллы 212 г. н.э., согласно которому римскими гражданами становились все свободные жители империи, традиционная римская религия, по сути своей чуждая значительной части населения, начала отвергаться новыми гражданами. В дальнейшем этот процесс был связан и с тем, что во время императорской чехарды III в. померкла вера в божественный и личный образ императора со стороны всех жителей империи. Императорский культ был, по сути, единственной связующей политической идеей Римской империи, но он во многом потерял свое значение после событий кризиса III в. В связи со всем этим назрела необходимость религиозных реформ, а именно – новая попытка унификации религии и идеологии¹². Унификацию религий в данном случае следует понимать как признание всех религий, даже гонимого при Диоклетиане христианства, равными по своему положению на государственном уровне. Императоры в тот момент решили оказать покровительство всем религиям.

В феврале¹³ 313 г. состоялась встреча правителя западной половины Римской империи Константина и правителя Иллирика Лициния в городе Медиолане (Милане). Союз с Лицинием был необходим для противодействия Максимиனு Дазе, в то время правившему на Востоке. В сложившейся ситуации, помимо выдачи для закрепления союза Констанции замуж за Лициния, соответствующий договор необходимо было скрепить письменным актом. Таким стал документ, обращенный от имени двух правителей к магистрату об отмене ранее действовавших ограничений «эдикта Галерия». Данное постановление было необходимо Константину как законному правителю, чтобы подтвердить положение христиан

¹⁰ Эншлен III. Происхождение религии. М., 1954. С. 187.

¹¹ Ранович А.Б. О раннем христианстве. Л., 1959. С. 444.

¹² Подробнее об этом см.: Казаков М.М. Указ. соч.

¹³ Мнение об издании Миланского эдикта в феврале 313 г. получило довольно широкое распространение, в основном в западной историографии, с середины XX в. В отечественной науке вопросом о времени издания эдикта занимались в основном в начале XX в. А.И. Бриллиантов выдвинул предположение об издании эдикта в апреле 313 г.

и церкви, которое до этого было предварительно установлено узурпатором и тираном Максенцием, сыном Максимиана Геркулия – соправителя Диоклетиана. Вскоре Лициний должен был обнародовать это постановление на подвластных ему территориях¹⁴, где христиане и церковь не пользовались значительными привилегиями. Изданное в городе Никомедии, уже во время войны с Дазой, постановление Лициния можно считать почти точным повторением содержания «Миланского эдикта»¹⁵.

Если исходить из первоначальной древнейшей формы императорских эдиктов, с формулой «*dicit*» или «*dicunt*», в виде обращения императора ко всему народу или части его, то закон Лициния и Константина, на первый взгляд, не должен называться эдиктом: это письмо к магистрату, которое в дальнейшем должно было объявляться народу¹⁶. Но, как отметил А.И. Бриллиантов, подобные «письма» не только имеют равную законодательную силу, они также вытесняют древнюю форму эдиктов¹⁷. К последующему времени относятся примеры существования «писем», в самом тексте которых содержатся названия *edictales leges*¹⁸. Если понимать «эдикт» в более широком смысле, то нет особых причин избегать этого обозначения и для данного документа.

Гонения императора Диоклетиана вносили дестабилизацию во внутреннее положение империи. По мнению целого ряда исследователей, уже при Диоклетиане находилось много язычников, которые не симпатизировали гонениям¹⁹. В тексте самого эдикта содержатся такие слова²⁰: «Когда же я, Константин Август, и я, Лициний Август, благополучно прибыли в Медиолан и *обсуждали всё, что относится к общей пользе и благополучию* (*καὶ πάντα ὅσα πρὸς τὸ*

¹⁴ Бриллиантов А.И. Император Константин Великий и Миланский эдикт 313 г.; О месте кончины и погребения св. Максима Исповедника. СПб., 2006. С. 139.

¹⁵ В «Никомедийском постановлении» Лициния отсутствует Введение, которое есть в «Миланском эдикте», а также имеют место небольшие различия в содержании, которые не влияют на смысл.

¹⁶ Бриллиантов А.И. Указ. соч. С. 150.

¹⁷ А.И. Бриллиантов ссылается на П. Батиффоля: *Batiffol P. Les etapes de la conversion de Constantin. II: L'edit de Milan // Bulletin d'ancienne litterature et d'archeologie chretiennes. 1913. No. 4. P. 244.*

¹⁸ См. комментарий Т. Моммзена: *Mommsen T. Observationes epigraphicae. XLII: Constitutiones duae Cretenses // Ephemeris epigraphica. 1890. Vol. VII. P. 421.*

¹⁹ Болотов В.В. Лекции по истории Древней церкви. Минск, 2008. Т. III–IV. С. 25; Казаков М.М. Указ. соч.

²⁰ Перевод «Церковной истории» Евсевия приводится по изданию Санкт-Петербургской духовной академии (1848 г.).

λυσιτελεῖς τὸ χρήσιμον τῷ κοινῷ διέφερεν, ἐν ζητήσει ἕσχομεν)²¹, то среди прочего, что сочли мы во многих отношениях полезным для всех, решили, прежде всего, издать постановление, которое поддерживало бы страх Божий и благоговение, то есть даровать и христианам, и всем [другим] свободно, по своему собственному желанию выбирать веру, дабы небесное Божество, как бы Его ни называли, относилось благосклонно и к нам, и к подданным нашим» (Euseb. Hist. ec. X.V.4).

В труде «О смертях гонителей» Лактанций приводит латинскую формулировку, которая несколько отличается стилистически, но по сути говорит о том же²²: «Когда мы, Константин Август и Лициний Август, благополучно встретились при Медиолане и, совместно обратившись к вопросу о пользе и благополучии народа, обсуждали среди прочего то, что сочли полезным для большинства людей (*atque universa que ad commoda et securitatem publicam pertinerent, in tractatu heberemus, haec inter cetera quae videbamus pluribus hominibus profutura*), решили, что прежде всего следует рассмотреть интересы тех, кто сохранял богопочитание; согласно чему мы даровали христианам и всем возможность свободно следовать той религии, какую бы кто не пожелал, так чтобы божество спокойно и умиротворенно могло существовать как в небесной обители, так и у нас и среди всех, кто под нашей властью находится» (Lact. De mort. persec. XLVIII.2).

Из выделенного курсивом текста становится понятным, что одной из основных целей принятия эдикта было объявлено желание Константина и Лициния обеспечить стабильность и благополучие подконтрольных им частей Римской империи, что было необходимо для полного «умиротворения» этих территорий. Об этом же говорят В.В. Болотов и М.М. Казаков, правда, не ссылаясь на текст эдикта.

По мнению Х. Брандта, императоры хотели также дестабилизировать внутреннее положение на Востоке, вызвав недовольство населения на территориях, которые тогда контролировал Максим Даза – жестокий враг христиан²³. Развивая этот тезис, следует

²¹ Греческий текст «Церковной истории» Евсевия представлен по изданию: Eusebius Pamphilus. *Historiae ecclesiasticae libri X*. Lipsiae, 1828. Т. III. Libri VIII–X.

²² Перевод по изданию: Лактанций. О смертях преследователей / Пер. с лат. В.М. Тюленева. СПб., 1998 (с исправлениями).

²³ Brandt H. *Geschichte der römischen Kaiserzeit: von Diocletian und Konstantin bis zum Ende der konstantinischen Dynastie (284–363)*. В., 1998. S. 33.

отметить, что к тому времени, вследствие эпидемии чумы и вторжения армян на Восток, среди нехристианской части населения появилось больше сочувствующих христианам, чем было ранее²⁴, так что продолжение гонений на христиан могло вызвать недовольство язычников. Опубликование в городе Никомедия, ранее входившем в состав владений Дазы, «толерантного постановления» Лициния должно было окончательно подорвать его позиции.

Утверждение о могуществе христианской церкви к моменту издания эдикта и о возможном поиске Константином в ней союзника для укрепления власти можно оспорить. Христианская церковь и христиане не могли представлять на тот момент серьёзной политической силы по следующим причинам:

- 1) христиане не составляли значительной части населения;
- 2) во время чудовищных по своей силе гонений Диоклетиана христианская церковь понесла колоссальный урон;
- 3) ещё до гонений она вызывала некоторый интерес среди определённой части населения²⁵, но в политической жизни империи всё же не играла почти никакой роли²⁶;
- 4) в основной своей массе христиане дистанцировались от политики²⁷.

При рассмотрении мотивов принятия эдикта следует обратить внимание на численность христиан в государстве. В.В. Болотов²⁸ указывал, что к началу IV в. в Римской империи жило примерно

²⁴ Об этом свидетельствует Евсевий Кесарийский: «Среди этих безысходных бедствий они одни на деле обнаружили свою сострадательность и человеколюбие: ежедневно и безотказно достойным образом хоронили умерших (о многих некому было позаботиться), в каждом городе собирали вместе изголодавшихся людей и раздавали им хлеб, так что признали Бога христиан и стали говорить, что только христиане – люди благочестивые и любящие Бога и что они засвидетельствовали это своими делами» (Euseb. Hist. ec. IX.VIII.14).

²⁵ Вопрос о распространении христианства среди различных слоёв населения очень сложный. М.М. Казаков придерживается точки зрения, согласно которой, христиане с самых ранних этапов развития христианства происходили из различных слоёв римского общества и, что немаловажно, хуже всего были представлены на двух крайних его полюсах – среди бедноты, как рабов, так и свободных, а также в среде старой римской аристократии (Казаков М.М. Указ. соч.).

²⁶ Подробнее об этом вопросе см.: Рудоквас А.Д. Очерки религиозной политики Римской империи времени императора Константина Великого // www.centant.ru. Евсевий Кесарийский сообщает, что непосредственно перед гонениями Диоклетиана христианам позволялось даже управлять римскими провинциями (Euseb. Hist. ec. X.V.4).

²⁷ Болотов В.В. Указ. соч. Т. III–IV. С. 25.

²⁸ В.В. Болотов ссылается на Ю. Белоха: *Beloch J. Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt. Leipzig, 1886.*

54 млн. человек: из них 28 млн. на Востоке и 26 млн. на Западе. По его подсчетам, христиане едва ли составляли больше десятой части населения. Еще меньшее количество указал А.А. Спасский²⁹: на Востоке империи они составляли лишь 1/7 или 1/8 часть, а на Западе – всего 1/20 часть. В результате можно сделать вывод, что опираться на такую незначительную часть населения, которая к тому же сторонилась участия в политической жизни, не имело бы смысла. Поэтому становится ясно, что чисто политическими мотивами принятие эдикта объяснить нельзя.

Среди повлиявших на принятие эдикта факторов можно отметить неуклонный рост мистицизма в III в н.э., что, разумеется, повлияло на поведенческую мотивацию людей того времени. Их поведение было рациональным в том смысле, что они стремились к достижению целей, которые им представлялись благом, и старались избегать того, что казалось вредоносным или опасным. Но «картина мира», существовавшая в мировоззрении человека того времени, была уже принципиально иной по сравнению с людьми предшествующих столетий, и, руководствуясь ею, он мог совершать действия, которые показались бы нелепыми его предку эпохи классической древности³⁰. Если человек в основном сознательно использовал обвинения в святотатстве и недозволенной магии в качестве инструмента политической расправы или для других подобных целей, то его потомок всерьез боялся этих явлений и искренне с ними боролся.

Исходя из этого можно констатировать, что огромную роль сыграли и личные мотивы императора. В тексте «Церковной истории» Евсевия Кесарийского содержится следующая мысль: «После такой гибели нечестивых твердая и огражденная от зависти царская власть по справедливости осталась только в руках Константина и Лициния. Истребив прежде всего враждебное Богу и *осознав дарованные им от Него блага* [τῶν ἐκ θεοῦ πρυτανευθέντων ἀγαθῶν αὐτοῖς ἡσθημένοι], они любовь свою к Нему и к добродетели, расположение к Божественному благочестию и *благодарности* [καὶ εὐχάριστον] доказали через издание законов в пользу христиан» (Euseb. Hist. ec. IX.XI.8).

²⁹ Спасский А.А. Обращение императора Константина Великого в христианство. СПб., 2007. С. 19–20.

³⁰ Рудоквас А.Д. Мотивация политических действий...

Из этого отрывка становится понятной позиция Евсевия Памфила: благодарность Богу, а также искренняя вера в него императоров послужила основной причиной принятия закона. Обращение императора в христианство является вопросом отдельного исследования. Но все-таки в тексте следует обратить внимание на слова «осознав дарованные им от Него блага». Сократ Схоластик также считал главной причиной принятия Миланского эдикта благодарность Богу за победу над Максенцием³¹: «Получив от Бога столь великие блага, Константин приносил ему *благодарение* [τὰ χαριστήρια]. Это *благодарение* состояло в том, что он прекратил гонение на христиан, вызвал их из ссылки, вывел из темниц, возвратил им забранные в казну имущества. *Сверх того он возобновлял церкви и все это делал с великим усердием* [Τὰς τε ἐκκλησίας ἀνώρθου, καὶ πάντα ἐποίει σὺν προθυμίᾳ πολλῇ]» (Socrat. Schol. Hist. ec. I.2).

Это свидетельство дает возможность сделать вывод об огромной роли победы над соперником в изменении отношения Константина к христианству. Следует вспомнить, что незадолго до издания эдикта он одержал победу над Максенцием. Незадолго до битвы при Мильвианском мосте император, если верить Евсевию, сначала на небе, а потом во сне увидел символ Христа – знак «Хиро» (XP), который даровал ему победу. Он мог обратить внимание на то, что его отец Констанций Хлор, не преследовавший христиан, умер своей смертью, тогда как его соправители или от страшных болезней, или в результате несчастных случаев. Судьба гонителей христианства не могла не произвести серьезного впечатления на Константина. После того император не мог не начать симпатизировать христианству и христианскому Богу. А. Демандт выдвинул предположение, что Константин и Лициний, во время встречи их в Медиолане в 313 г., изданием закона в пользу христиан «хотели сохранить Божественную милость»³². Однако это ещё не даёт оснований говорить об его обращении в христианство в то время. Константин оставался язычником. Его вступление в Рим в 312 г., скудно освещенное в источниках, даёт нам чёткое указание на его

³¹ Перевод текста «Церковной истории» Сократа Схоластика приводится по изданию Санкт-Петербургской духовной академии (1850 г.).

³² Demandt A. Die Spätantike: Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian 284–565 n. Chr. München, 1989. S. 68.

терпимость по отношению к старым языческим культам³³. Но само влияние произошедшего у Мильвианского моста, а также победы над Максенцием, дало начало постепенному обращению императора в христианство.

Таким образом, как и причины всех значительных событий вообще, причины принятия Миланского эдикта не имеет одного-единственного верного истолкования. Безусловно, на решение Константина повлиял целый комплекс причин и факторов как объективного, так и субъективного характера. Наиболее важными из объективных причин были:

1) необходимость обеспечения стабильности и гражданского мира на подконтрольных Лицинию и Константину территориях;

2) стремление «взорвать» Восток Максимиана Дазы, где сохраняли свою силу антихристианские законы;

3) новая попытка унификации религии и идеологии после провала предыдущих, а также подтверждение с точки зрения законного правителя положения христиан и церкви, которое до этого было предварительно установлено узурпатором и тираном Максенцием, сына Максимиана Геркулия – соправителя Диоклетиана.

В то же время мы должны учитывать и наличие субъективного фактора – благодарность императора христианскому Богу за победу над политическим противником Максенцием и стремление сохранить Его милость на будущее.

---

³³ *Curran J. Constantine and the Ancient Cults of Rome: The Legal Evidence // Greece & Rome. 1996. Vol. 43. No. 1 (Apr.). P. 76.*

ДАВЫДКИНА О.И. (САМАРА)

О ПРОБЛЕМЕ ОТНОШЕНИЯ РИМСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ИТАЛИИ К ОСТГОТСКОМУ ГОСУДАРСТВУ

В 535 году началась римско-остготская война в Италии. Война это длилась более 20 лет, несмотря на военное превосходство римлян над остготами. Одной из причин этого являются особенности отношения коренных жителей Италии как к остготам, так и к пришлым имперским войскам.

Историография данной тематики весьма обширна. Историки уделяли немало внимания как изучению эпохи Юстиниана в целом¹, так и исследованию варварских королевств². Однако цельных исследований по указанной проблеме не известно.

Остготы создали свое государственное образование на территории Италии при Теодорихе Великом, изгнав с Апеннинского по-

---

¹ См., напр., в отечественной историографии: Кулаковский Ю.А. История Византии. СПб., 2003; Вальденберг В.Е. Государственное устройство Византии до конца VII века. СПб., 2008; среди зарубежных исследований: Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI в. СПб., 1908; Джонс А.Х.М. Гибель античного мира. Ростов-на-Дону, 1997; Томпсон Э.А. Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб., 2002; Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. СПб., 2006. Т. 4; Альфан Л. Великие империи варваров. М., 2006; Андерсон П. Переходы от античности к феодализму. М., 2007; Bury J.V. A History of the Later Roman Empire. N.Y., 1923. Vol. 2; *idem*. The Invasion of Europe by the Barbarians. L., 1963; Evans J.A. The Emperor Justinian and Byzantine Empire. L., 2005; O'Donnell J. The Ruin of the Roman Empire. N.Y., 2008 и др.

² Интересны такие работы как: Удальцова З.В. Раздел земель между остготами и римлянами в Италии в конце V в. // Средние века. М., 1956. Вып. 8; она же. Италия и Византия в VI в. М., 1959; Дворецкая И.А. Организация управления в Остготском королевстве // Византийский временник. М., 1962; она же. Из Паннонии в Италию (христианизация завоевателей и генезис варварской государственности в Италии VI–VIII вв. // Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы. Н. Новгород, 1991. Т. 21; Бородин О.Р. Эволюция муниципального устройства в северо-восточной Италии в эпоху Византийского господства // Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы. Н. Новгород, 1991; он же. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. СПб., 2001; Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб., 2001; Шкаренков П.П. Королевская власть в остготской Италии по «*Variarum*» Кассиодора. М., 2003; Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003; Пфайльшифтер Г. Теодорих Великий. СПб., 2004; Baynes N.H. Justinian and Amalasantha // The English Historical Review. 1925. Vol. 40. No. 157; Jones A.H.M. The Constitutional Position of Odoacer and Theoderic // JRS. 1962. Vol. 52; Jones W.R. The Image of the barbarian in Medieval Europe // Comparative Studies in Society and History. 1971. Vol. 13. No. 4; Wolf-ram H. The Goths in Aquitaine // German Studies Review. 1979. Vol. 2. No. 2; Moorhead J. The Last Years of Theoderic // Historia. 1983. Bd. 32. Ht. 1; *idem*. Totila the Revolutionary // Historia. 2000. Bd. 49. Ht. 3.

луострова варвара Одоакра³. При вступлении в Италию они поселялись в качестве военных постояльцев («гостей»)⁴. Основная масса готов была расселена в Северной Италии, на земельных участках воинов Одоакра, в то время как на юге Италии и в Сицилии, где крупное римское землевладение сохранилось в большей степени, чем на севере, раздела земель между готами и римлянами почти не производилось⁵. Из земельных владений прежних владельцев в Северной Италии выделялись так называемые терции (*tertiae*), равные трети владения римлян (Cassiod. *Variae*. I. 14), и из этих терций составлялись наделы (*sortes*) остготов (II.16, 17). Однако основную часть земель готы получали из бывших владений Одоакра (Procop. *BG*. I.1). Такое деление соблюдалось как при Теодорихе, так и при его последователях.

После появления готов на Апеннинском полуострове общество Италии стало считать остготских королей правителями всей страны, повелителями готов и римлян (αὐτὸς ἔσχε τὸ Γότθων τε καὶ Ἰταλιωτῶν κράτος) (Procop. *BG*. I.1); и те, и другие одинаково рассценивались как подданные одного государства. После смерти Теодориха от имени наследника Аталариха были обнародованы эдикты с изъявлением королевской воли, извещающие о наследовании власти законным наследником Теодориха. Эдикты были адресованы отдельно готам как федератам (Cassiod. *Variae*. VIII.5), а также жителям Италии и Далмации (VIII.4) и жителям Рима (VIII.3) как отдельным административным единицам Римской империи. Во всех эдиктах новый король призывал подданных к беспрекословному повиновению. Ряд королевских эдиктов относился к готам и римлянам одновременно (IX.8). Из них следовало, что им свойственны одинаковый образ жизни, одинаковые законы, над ними одна власть⁶.

Теодорих, как и его преемники, в своей внутренней политике открыто проводил курс, направленный на сближение с местным

³ Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 395–402 (со ссылками на источники и литературу).

⁴ Неусыхин А.И. Остготское королевство в Италии // История Италии. М., 1970. Т. 1. С. 15; Шувалов П.В. Секрет армии Юстиниана. СПб., 2006. С. 56.

⁵ Удальцова З.В. Раздел земель между остготами и римлянами в Италии... С. 46.

⁶ Дворецкая И.А. Организация управления в Остготском королевстве... С. 5.

населением⁷. Остготские короли всячески подчеркивали, что их держава остается частью Римской империи.

Многие же римляне исходили из взгляда на Остготское королевство как на неудавшуюся попытку восстановления власти римлян на Западе под верховной властью восточного императора⁸. В остготских королях видели просто военачальников на службе у римского императора, подобных тем, которых римские императоры нанимали командовать имперскими и федератскими войсками, или его восставших наместников⁹.

В действительности остготские короли являлись правителями фактически суверенного государства. Реальная самостоятельность и независимость Остготского королевства – важный фактор в оценке положения остготских королей. Сами короли, особенно Теодорих, расценивали свою власть как практически императорскую, со всеми ее прерогативами; такого же мнения придерживались многие современники. Прокопий Кесарийский называл Теодориха настоящим императором, ничуть не ниже наиболее прославленных, носивших этот титул (Procop. BG. I.1).

Амаласунта, дочь Теодориха, начав править в качестве регентши при малолетнем сыне Аталарихе, продолжала политику своего отца. Прокопий положительно оценивает ее политику по отношению к римлянам. Он говорит о том, что пока она стояла во главе правления, ни один римлянин не был подвергнут ни телесному наказанию, ни конфискации имущества. По этой причине римское население ее поддерживало. А римляне составляли подавляющее большинство населения Италии. Более того, из оценок Прокопия видим, что и при дворе Юстиниана Амаласунта имела активную поддержку (Procop. BG. I.2).

В июне 535 года началась война Восточной римской империи против Остготского королевства в Италии. Мотивировкой прихода римских войск в Италию была идея восстановления реальной власти империи в регионе. Это всячески прокламируется даже в общении с остготами. Так, объясняя действия Юстиниана готам, Ве-

---

⁷ Удальцова З.В. Сельское зависимое население Италии VI века... С. 86.

⁸ Moorhead J. The Last Years of Theoderic... P. 107.

⁹ Дворецкая И.А. Организация управления в Остготском королевстве... С. 7.

Велизарий указывает на то, что у императора Юстиниана главнейшее стремление – быть славным и могущественным, и он возвращает римлян в страну, издревле принадлежавшую управляемой им империи (Procop. BG. I.6).

Перед неаполитанцами в 536 г. Велизарий выступает с речью, в которой напоминает горожанам, что римское войско пришло для освобождения италийцев. Сами же неаполитанцы называют готов деспотами (βαρβάρων δεσποτῶν) (Procop. BG. I.8).

Таким образом, готы рассматривались верхушкой императорских войск как захватчики, хотя Теодорих главенствовал над Италией, получив на то право от императора Зенона в 497 г.¹⁰, а полноправным хозяином признавалась Римская империя. С осажденными готами города Рима Велизарий говорит только как представитель легитимной власти. Он ясно дает понять, что, взяв Рим, он не претендует ни на что чужое. Он обвиняет готов в том, что они в прежнее время вступившие в него, овладели тем, что им совсем не принадлежало. А теперь они вынуждены против воли отдавать его прежним властителям (Procop. BG. I.20). Целью римлян было вернуть себе потерянные земли и богатства¹¹.

Велизарий в письме Юстиниану называет Италию императорской, «твоей Италией» – Ἰταλίας τε σῆς (Procop. BG. I.24). Императорских воинов Велизарий также убеждает в том, что они пришли для спасения того, что принадлежит императору (Procop. BG. I.21).

Однако жители Неаполя в 536 году отнюдь не безоговорочно впустили императорских воинов в стены города. Неаполитанцы не отождествляли себя с теми римлянами, которые пришли с Велизарием. Более того, они предполагали, что эти римляне идут войной на них (Procop. BG. I.8), так как властителями города были готы.

¹⁰ Прокопий утверждает, что Теодорих был отправлен туда Зеноном, так как последний хотел избавиться от опасного вассала и предотвратить очередную атаку готов на Константинополь (Procop. BG. II.6). Аноним Вalezия говорит о стремлении императора отблагодарить Теодориха за помощь в борьбе с Василиском (Anon. Vales. XI.49). Иордан же свидетельствует, что поход в Италию Теодорих совершил по собственной воле, получив, однако, согласие императора (Iord. Get. 290–292). Евагрий Схоластик утверждает, что Теодорих двинулся в Италию самовольно, так как узнал о заговоре императора против себя (Euaqr. Hist. Eccl. III.27).

¹¹ Удальцова З.В. Социально-экономические преобразования в Италии... С. 12.

Велизарий деньгами склонил одного из старейшин города к тому, чтобы он привлек неаполитанцев на свою сторону.

Жители с трудом, но согласились. Их пугало то, что станется с их городом, если готы будут мстить. Поэтому сразу после начала осады города римлянами неаполитанцы послали гонца к готскому королю Теодату, который находился в Риме, прося о немедленной помощи. Как только город оказался в руках воинов Велизария, там началась кровавая резня. Неудивительно, что такое поведение римской армии отталкивало горожан от воинов императора.

Жители города Рима отказались от мысли не впускать войска Велизария в город, боясь, чтобы с ними не случилось того же, что пришлось пережить неаполитанцам (Procop. BG. I.14)¹². До того, как в 536 г. началась осада Рима, остготский король Витигис считал вполне вероятным, что жители города скорее поддержат готов, чем нападавших (Procop. BG. I.11).

Но горожане были более всего обеспокоены тем, как избежать участи неаполитанцев. И именно поэтому пропустили Велизария в город без сопротивления. Но когда началась осада, горожане не поддерживали римское командование. Они помогали императорским воинам охранять Рим, но это, скорее, было вызвано тем, что в этом случае им, как и солдатам, предназначалась определенная доля съестных припасов, а в городе, который начинал голодать, это было существенно. Только после того, как Витигис учинил в 538 г. в Равенне кровавую расправу над сенаторами-заложниками, большинство местных римлян в Италии стали противниками готов (Procop. BG. I.26).

В 539 г. готы осаждают Милан. После того, как римляне сдали готам город, варвары разграбили и разрушили его до основания, избивая мужчин, способных носить оружие, не меньше тридцати тысяч, женщин обращая в рабство. Следовательно, основная масса населения этого города была уничтожена¹³. Найдя префекта претория Репарата, они изрубили его в куски и мясо его бросили соба-

---

¹² Евагрий Схоластик утверждает, что римляне, открыв ворота, с радостью приняли Велизария (Euaqr. Hist. Eccl. IV.19). Однако, как сам он говорит, в данном случае он пересказывает Прокопия, и уделяет крайне мало места описанию военных действий и осад. Поэтому сведения Прокопия расцениваются как более правдоподобные.

¹³ Альфан Л. Указ. соч. С. 80.

кам (Просоп. ВГ. II.21).

В 539 г. императорские войска начинают осаждать столицу остготского государственного образования – Равенну. Прокопий ничего не сообщает о поведении местного населения во время осады, так как ему, по-видимому, ничего не известно об этом. Однако ничего он не сообщает и о том, что местные жители приветствовали римлян, когда те заходили в город в качестве победителей. Прокопий, если была бы возможность, не упустил бы случая еще раз показать императорское войско в качестве благодетеля, которое освобождает от варваров исконно римские территории.

Из этого следует, что местные жители относились к готам в целом если не положительно, то, по крайней мере, не отрицательно. Это и понятно, так как Равенна была столицей Остготского государства, и благополучие жителей столицы напрямую зависело от благополучия остготской власти. Хотя, в принципе, и отношение к римлянам, которые не разграбили город, было положительным.

В целом, при прочтении Прокопия складывается впечатление, что городское население в Италии в наибольшей степени волновала собственная участь, и им было все равно, кто хозяйничает в городе, лишь бы личное имущество горожан, и тем более их жизни, оказались нетронутыми. Горожане скорее помогали не тому или другому войску, а, что само собой разумеется, себе. Всем этим и объясняется такое их безразличие.

Подтверждением этого служит и следующее. Когда императорские войска осаждали Рим, жители этого города страдали от отсутствия бань и недостатка продовольствия, и считали для себя ужасным, что они, ни в чем не повинные, переносят осаду и подвергаются столь большой опасности. Собираясь между собой, римляне открыто бранили Велизария за то, что он, взяв у императора недостаточную силу, решил двинуться против готов. То есть римлян заботило именно их положение, а не то, кто в городе правит.

Здесь весьма четко просматривается тенденция изменения отношения местного населения к пришлым римлянам и к варварам. Если в начале войны коренные жители в большей степени оставались на стороне готов, то к концу войны, если это не шло в ущерб

их интересам, жители сдавали свои города римлянам почти всегда (Agath. I.12; Malal. XV.492).

Таковыми являлись настроения жителей городов. Крестьяне же были более преданы делу империи. Так, когда римляне пришли в Пицен, среди местных жителей началась паника. Они бежали от армии (Procop. BG. II.17). Позже жителям сообщили, что армия пришла для борьбы с готами и не причинит никакого вреда местному римскому населению. И только тогда беглецы вернулись в свои дома. Жители привыкли к тому, что если поблизости появляется армия, то это неминуемо ведет к разграблению и уничтожению либо надругательству. Так делали готы. Того же жители ожидали от римской армии.

Но римская армия отличалась более гуманным отношением к местному населению. Это объясняется тем, что Велизарий сумел укрепить дисциплину. Показателен такой случай. Еще когда императорские войска во время римско-вандалской войны 533–534 г. во главе с Велизарием продвигались по Северной Африке, часть солдат начала грабить местное население в целях пропитания. Велизарий подверг их серьезному телесному наказанию (Procop. BV. I.16). В другом случае за непослушание военачальник лишил нарушителей жизни (Procop. BV. I.12). В итоге армия империи была более дисциплинирована, чем готская.

Крестьянам было все равно кому выплачивать арендную плату – поэтому им было все равно, кто будет господствовать в регионе. Хотя не в пользу готов было то, что они грабили крестьян для обеспечения пропитанием своей армии. В 546 г., когда некий влиятельный римлянин из Лукании поднял местных крестьян для того, чтобы изгнать врагов из своего района, готский король Тотила собрал для войны с ним войско из земледельцев, и две группы итальянских крестьян сражались друг с другом. Дело закончилось победой «проримских» крестьян. Когда же землевладельцы приказали им вернуться к своей работе, они сразу же подчинились (Procop. BG. III.22).

В целом, отношение рядовых готов к итальянцам было варварским. Остготский король Тотила пытался наказывать за бесчинства, допускаясь к своим людям по отношению к мирному населению.

Но эти наказания не были убедительны для основной массы варваров. И они продолжали грабежи (Agath. I.14).

Таким образом, благодаря разумной политике, проводимой Теодорихом и его ближайшими приемниками в отношении коренного населения Италии, на первых порах римско-остготской войны италийцы лояльно относились к готам и даже их поддерживали. Но со временем, при хорошем отношении со стороны римских войск как к городскому, так и к сельскому населению, и по причине массовых разрушений, разграблений и жестоких надругательств готы начали терять свою популярность. Местное население все чаще оказывалось на стороне империи. Это и предрешило исход римско-остготской войны.